

ИССЛЕДОВАНИЯ

О. В. ТВОРОГОВ

Античные мифы в древнерусской литературе XI—XVI вв.

Мотив неприятия и осуждения «еллинской прелести», «баснословия», «поганских богов» проходит через всю историю древнерусской литературы. Тем не менее наряду с этими обличениями и осуждающими декларациями мы время от времени встречаемся с упоминаниями в древнерусских памятниках греческих или римских языческих богов и героев или с изложением античных мифов. Подавляющее большинство этих памятников — переводные или составленные на основе переводных источников, но они входили в читательский репертуар древнерусских книжников, и мы вправе поэтому поставить вопрос о знакомстве древнерусской литературы с античной мифологией.

Однако с самого начала необходимо отметить, что не может быть даже отдаленного сравнения разностороннего и активного влияния, которое античная языческая культура (и в частности мифология) имела на византийскую литературу, с теми отрывочными сведениями, которыми располагала литература Древней Руси.

Античная мифология, несмотря на различное отношение к ней разных деятелей христианской культуры и идеологии, почти на всем протяжении истории византийской культуры оставалась ее «неизбежным» компонентом: античные храмы и статуи продолжали существовать на площадях и улицах византийских городов или в некогда заповедных рощах святых, хотя и уничтожались то там, то здесь христианами фанатиками; античные мифы не просто излагались в памятниках классической и эллинистической литературы, написанных на родном языке большинства граждан империи (именовавших себя, однако, вопреки этнической природе «ромеями»), — они в значительной мере составляли ее содержание, а боги и герои не только упоминались в аллегорических образах или стилистических фигурах, но являлись нередко основными персонажами поэтических, прозаических или драматических произведений. На этих произведениях — в той или иной степени отбираемых и допускаемых, особенно со времени решительного идеологического наступления христианства, — учились читать мальчики и совершенствовали свои познания в философии, истории или филологии юноши и мужи; в Афинской Академии, просуществовавшей до 529 г., преподавали бок о бок языческие и христианские профессора, а у одного и того же наставника учились и император Юлиан, попытавшийся возродить умиравшее язычество, и Григорий Назианзин. Примеры подобного тесного переплетения христианской и языческой культур в Византии можно без труда продолжить.¹

¹ См.: Л. А. Фрейберг. Античное литературное наследие в византийскую эпоху. — В кн.: Античность и Византия. М., 1975.

Иначе обстояло дело на Руси. Во-первых, древнерусская литература не знала в переводе ни одного памятника древнегреческой литературы (я не касаюсь фрагментов из сочинений философов античности), она довольствовалась лишь переводами произведений византийских авторов, в той или иной степени отражавших сюжеты античной мифологии, либо переводами памятников средневековья на сюжеты античных мифов (впрочем, это касается только сюжета троянского эпоса). Во-вторых, особенно важно подчеркнуть, что, рассуждая о знакомстве Древней Руси с античной мифологией, ни в коей мере нельзя подходить к вопросу упрощенно, ставя знак равенства между теми памятниками, которые были лишь известны на Руси, и теми, которые активно участвовали в литературном процессе. Так, Хроника Иоанна Малалы действительно содержала пересказ многих античных мифов и действительно была известна какой-то части древнерусских книжников, но распространение получил не полный текст Хроники, а весьма скудные выдержки из него в составе русских хронографических компиляций.

Задача настоящей статьи — суммировать и уточнить факты знакомства древнерусской литературы с античной мифологией, причем не на уровне широких обобщений, а на уровне исследования реальной истории реальных памятников.

Предлагаемые далее сведения, думается, окажутся не бесполезными уже потому, что исследователи, обращавшиеся к теме античного наследия в древнерусской литературе, интересовались по преимуществу отражением в ней философских, этических и эстетических воззрений античных авторов и меньше внимания уделяли более узкому вопросу о знакомстве Древней Руси с античной мифологией.² Что же касается попытки систематического обзора античного влияния в древнерусской культуре, принадлежащей С. И. Радцигу, то этот исследователь — крупный специалист по древнегреческой литературе — собственно русский материал заимствовал, как правило, из вторых рук, не всегда критично воспринял и передал с досадными неточностями.³

* * *

Круг источников, из которых древнерусский книжник мог почерпнуть сведения об античной мифологии, был весьма ограничен: это византийские хроники, романы об Александре Македонском (Хронографическая и Сербская Александрии), произведения о Троянской войне («Притча о кралех» и роман Гвидо де Колумна «История разрушения Трои»), слова Григория Богослова, а также сочинения Максима Грека, который хотя и отрекся, по его словам, от «гнилых басней и учений» своих «прародителей еллинех»,⁴ но сохранил в памяти сюжеты многих мифов и смог поведать их любознательным русским книжникам.

Древнейшими источниками сведений об античной мифологии явились переводы двух византийских Хроник — Хроники Георгия Амартола и Иоанна Малалы.

² См.: В. Н. Перетц. Сведения об античном мире в Древней Руси XI—XIV вв. — Гермес (Пг.), 1917, № 13—20; 1918, № 8—12; А. И. Клибанов. К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957. Я не упоминаю здесь работ, посвященных «Пчеле», в составе которой имеются изречения античных философов и писателей, а также работ искусствоведов о мифологических сюжетах в древнерусской архитектуре и прикладном искусстве.

³ С. И. Радциг. Античное влияние в древнерусской культуре. — В кн.: Вопросы классической филологии, III—IV. М., 1971.

⁴ См.: V. F. Ržiga. Незданные сочинения Максима Грека. — Byzantinoslavica, 1934/35, VI, S. 101.

Судя по тому что обе Хроники отразились в древнерусской хронографической компиляции («Хронографе по великому изложению»), использованной уже при составлении Начального свода — в 90-х гг. XI в., этим временем и можно датировать начало знакомства древнерусских книжников с античным язычеством.

В Хронике Георгия Амартола, составленной в IX в., продолженной в X в. и переведенной на Руси не позднее середины XI в.,⁵ античная мифология отразилась весьма скупо: единственный мифологический сюжет, упоминаемый в Хронике, — история рода Велона (Бела) и Агенора. Все персонажи здесь выступают как неопределенные «некие» (имеется в виду «некие люди»), а само повествование нужно хронисту лишь для того, чтобы сообщить об эпонимах Египта, Сирии, Киликии, города Тира и т. д.⁶

Наиболее полное перечисление античных богов (названы Зевс, Посейдон, Аполлон, Гефест, Гермес, Гера, Деметра, Дионис, Афина, Артемида и Афродита) мы встретим в том месте Хроники, где патетически осуждается языческая религия и ее культы.⁷ Амартол обвиняет язычников не только в том, что они «честь и славу божию» возложили «на небо, и на солнце, и на луну, и на звезды», что почитали как богов людей и даже животных, но и в том, что и сами божества, и связанные с ними культы аморальны и непристойны. Если раньше на Крите был почитаем Зевс, в Аркадии Гермес, а в Индии Дионис, то позднее в Египте по приказу императора Адриана язычники стали поклоняться обожествленному юноше Антиноону, с которым цесарь «блуд творяще и похоти». С языческими богами, продолжает Амартол, связаны всевозможные пороки: с Зевсом и Афродитой — прелюбодеяние, с Аресом — убийство, с Дионисом — пьянство. Это все не боги, но «грешные человецы», почитавшиеся древними за изобретение каких-либо предметов или ремесел: от Зевса пошли всякие «козны» (в греческом тексте τέχνη, т. е. «ремесло»). Посейдон положил начало мореплаванию, Гефест изобрел кузнечное ремесло, Асклепию принадлежит искусство врачевания, Аполлону — «песни мусикийские», Афина изобрела ткачество, Артемида научила охотиться, Гера — шить одежду, Деметра — возделывать землю. Но если всех их стали чтить как богов, продолжает Амартол, следует тут же упомянуть и других изобретателей ремесел и зачинателей наук — Гомера, Зенона, Коракса, Аристейя, Триптолема, Ликурга, Солона и Паламеда. Как видим, здесь в одном ряду выступают и исторические лица — мыслители и государственные деятели — и мифические персонажи.⁸

В других местах Хроники упоминания античных божеств еще более лаконичны и так же встречаются в контексте, осуждающем античные

⁵ О древнерусском переводе Хроники Амартола см.: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь, т. I—III. Пг.—Л., 1920—1930; Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 108—117; О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 9—13, 98—110.

⁶ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола. . . , т. I, с. 36—37. Как известно, Хроника Георгия Амартола компилятивная; здесь мы говорим о позиции самого Георгия, не ставя вопрос об источниках, которые он в том или ином случае использовал или процитировал. Миф этот приводится в составе фрагмента из Еллинского летописца в приложении к статье. Еллинский летописец и Хроника Амартола в данном случае восходят к одному и тому же источнику — Хронике Иоанна Малалы.

⁷ Там же, с. 61—63.

⁸ Зенон Элейский — древнегреческий философ (V в. до н. э.); Коракс Сиракузский — мифический родоначальник риторики; Аристей — божество, покровитель земледельцев и пастухов, почитался как зачинатель виноградарства, оливководства и пчеловодства; Триптолем — мифический сын элевсинского царя, считавшийся изобретателем плуга; Ликург — легендарный спартанский законодатель; Паламеду приписывали изобретение букв и цифр.

культы. В целом Хроника Амартола не только очень мало сообщила древнерусскому читателю об античной мифологии, но скорее была способна — если усилия ортодоксального хрониста достигали своей цели — внушить ему неприязнь к верованиям и обычаям древних.

Однако древнерусский книжник одновременно с Хроникой Амартола (или несколькими годами позднее) познакомился с другой византийской Хроникой, которая, напротив, охотно и подробно рассуждала об античных мифах и легендах. Это была Хроника Иоанна Малалы, огреченного сирийца, составившего свой труд в середине VI в. н. э. Изложению мифов посвящены четыре из восемнадцати книг Хроники (первая, вторая, четвертая и пятая).⁹ Славянский перевод первых книг Хроники Малалы¹⁰ с самыми незначительными сокращениями вошел в состав хронографа, созданного в середине XIII в. (В. М. Истрин назвал его «Иудейским хронографом»), поэтому знакомство с Хроникой Малалы удобнее всего начать именно с этого хронографа.¹¹ Сам хронограф XIII в. до нас не дошел, но мы знаем о его составе по двум восходящим к нему хронографам XV—XVI вв. — Архивскому и Виленскому,¹² в которых сохранилась значительная часть текста славянского перевода Хроники Малалы.¹³

Первая книга Хроники Малалы повествует о том, как сын Адама Сиф «сотвори имена звездам» и назвал их Крон, Дья, Арея, Афродит и Ермин, в дальнейшем же в честь этих «преходных звезд» (т. е. планет) получили свои имена древние цари Крон, Арес, Ермий. Малала, как видим, следует традиции евгемеристов, представлявших античных богов как обожествленных невежественными и суеверными древними героями и властителей. Далее Малала со ссылкой на Библию сообщает, что от браков ангелов с земными женщинами родились гиганты (ср.: Бытие, VI, 1—4), которые были истреблены богом (!), — своеобразная интерпретация античного мифа о гигантомахии. Тут же приводятся рассуждения, как следует понимать именование гигантов «змиевожными» — в прямом или переносном смысле, — попытка найти символическое или даже рациональное объяснение античным мифологическим представлениям. Далее Малала рассказывает о Кроне (Кроносе) — «человеке гигантского рода», его сыне Пике, «во имя переходной звезды» названном Зевсом, первом царе Ассирии. Крон отправляется в западные страны и там от жены Астунмии (в славянском переводе — Астрономей) рождает дочь, названную в честь звезды Афродитой. Затем повествуется о сыне Зевса Ермии (Гермесе) и о Иракле (Геракле), причем атрибуты героя — львиная

⁹ О трактовке античных мифов у Малалы см.: Л. А. Фрейберг. Античное литературное наследие. . . , с. 24—25.

¹⁰ См. о нем: З. В. Удалцова. Хроника Иоанна Малалы в Киевской Руси. — Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 47—58; Э. М. Шусторович. 1) Древнеславянский перевод Хроники Иоанна Малалы. (История изучения). — Византийский временник, т. 30. М., 1969, с. 136—152; 2) Об одном отрывке из древнеславянского перевода Хроники Иоанна Малалы. — Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1970, № 6, с. 105—110; А. А. Дерюгин. Вергилий в древнем славянском переводе Хроники Иоанна Малалы. — В кн.: Античность и Византия, с. 351—362.

¹¹ Описание его см.: В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893, с. 317—352.

¹² Архивским хронографом именуется рукопись ЦГАДА, собр. ГАМИД (ф. 181), № 279/685; Виленским — рукопись БАН ЛитССР, № 109/147.

¹³ В. М. Истрин издал текст славянского перевода Хроники Малалы, извлеченный им из Архивского (реже — Виленского) хронографов (кн. I, II, IV—X), Еллинского летописца (кн. XIII—XVIII) и Софийского хронографа (рукопись ГПБ, Софийское собр., № 1454), из последней рукописи изданы фрагменты из III, XI и XII книг Хроники.

шкура на плечах, палица и яблоки (добытые у Гесперид) ¹⁴ использованы у Малалы как символы добродетелей: львиная шкура — твердый ум, палица — мудрость, которой он подавляет «злые похоти», а три яблока — три добродетели: не быть гневным, ни златолюбцем, не прелюбодействовать. Заканчивается первая книга рассказом о царствовании Ираклия и Ермия в Египте и о преемнике Ермия — Феосте (Гефесте).¹⁵

Во второй книге Хроники Малалы ¹⁶ излагаются легенды о царствовании в Египте Гелиоса, сына Гефеста (в славянском переводе — Дажьдбога, сына Сварога), и о Гермесе Тривеликом. Обе эти легенды, насколько мне известно, не соотносятся с классической мифологией. Затем излагаются мифы об Ио, возлюбленной Зевса, превращенной в телку, о ее потомках, и в частности о правнуках ее Ангеноре и Беле (Велосе), миф о Зевсе и Данае, миф о сыне Данаи Персее и о Горгоне, затем повествуется о сыне Агенора Кадме и его дочери Семеле, матери Диониса, и наконец миф об Эдипе. Эта подборка мифов, видимо, не случайна — все упоминаемые здесь герои относятся в конечном счете к роду Инаха (отца Ио).¹⁷

Третья книга Хроники Малалы, посвященная библейской истории, в состав Хронографа XIII в. не вошла.

Четвертая книга ¹⁸ содержит изложение мифов о первом афинском царе (1) Кекропсе, об Орфее, о походе аргонавтов, о Зевсе и Леде, о Белле-рофонте, о Миносе, Минотавре и Тезее (этот миф приводится в приложении к статье) и наконец миф о Федре и Ипполите.

Именно из этой книги в русские хронографы вошел фрагмент: «Въ лѣта же нареченыхъ строитель бѣ въ еллинѣхъ Промифеусъ и Епимифеусъ и Атласъ и панаписъ и Аргосъ,¹⁹ егоже и стоока нарицаху за ясноглядание его и быстроту, и Давъкалионъ, сынъ Елеона Пикова. Се же Аргоосъ умысли хитрость въ западныхъ странахъ, Атласъ же сказа астроному, сего ради глаголетъ, якоже въ небо биеть, понеже небесное имать вь сердци своемъ. Промифеосъ же граматическую изобрѣте философию и древнихъ лѣтъ увѣдати случившася. Епимефеусъ же мусическую хитрость изобрѣте. Давъкалионъ же потопы мѣстныя списа, якоже Еусевие Памфилийскыя списа».²⁰ Фрагмент производит впечатление перечня мудрецов древности, тогда как в действительности здесь упоминаются титан Прометей, его брат Эпиметей, Атлант, согласно мифу державший на плечах небесный свод, Аргос Всевидящий, у которого глаза располагались по всему телу, и Девкалион — сын Прометея, легендарный царь Фтии,

¹⁴ «В эпоху поздней античности фигура Геракла с яблоками Гесперид в одной руке и палицей в другой становится излюбленным сюжетом в изобразительном искусстве» (В. Г. Борухович. Примечания. — В кн.: Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972 (Литературные памятники), с. 154).

¹⁵ В. Истрин. Первая книга Хроники Иоанна Малалы. — Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению, 1897, т. I, № 3, с. 1—29.

¹⁶ См.: В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. — Летопись Историко-филологического общества при имп. Новороссийском университете, т. X. Византийско-славянский отдел, т. VII. Одесса, 1902 (отдельный оттиск — Одесса, 1903).

¹⁷ Приведение всех звеньев этой генеалогии заняло бы слишком много места; укажу лишь, что внучкой Бела была Гипермнестра (одна из Данаид), ее внуком — Акрисий, отец Данаи. Эдип же — праправнук Кадма, сына Агенора, правнука Ио.

¹⁸ См.: В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. — Летопись Историко-филологического общества. . . , т. XIII. Византийско-славянский отдел, т. VIII. Одесса, 1905 (отдельный оттиск — Одесса, 1905).

¹⁹ Слово *καὸνττς* — «всевидящий», вероятно, было принято переводчиком за имя собственное. Об Аргосе см., например: Аполлодор. Мифологическая библиотека, II, 1, 2.

²⁰ В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, книга четвертая, гл. III.

построивший ковчег, в котором вместе с женой своей Пиррой (дочерью Пандоры) пережил страшный потоп, ниспосланный Зевсом на Элладу, и возродил затем полуистребленный во время потопа человеческий род: он и Пирра бросали через свои головы камни, которые по велению Зевса обращались в людей (камни, брошенные Девкалионом, — в мужчин, Пиррой — в женщин).

Приведенный здесь перечень мифов, изложенных в трех книгах Хроники Малалы и соответственно в Хронографе XIII в. (а также в восходящих к нему Архивском и Виленском хронографах), не должен создать впечатления, что все эти античные легенды, даже в кратком пересказе Малалы, стали хорошо известными древнерусским книжникам. В действительности же относительно широкое распространение получили лишь некоторые из рассмотренных мифологических сюжетов, а именно те, которые вошли во Вводную часть Еллинских летописцев, о чем будет сказано ниже.

Необходимо учесть еще и следующее: евгемерическая позиция Малалы несомненно затемняла «божественную природу» героев мифов, Зевс и Кронос становились земными царями, титан Прометей превращался в изобретателя грамматики, а «стоокость» Аргуса толковалась вполне «реалистически», как прозвище героя, данное ему за «ясновидение» и быстроту.

О манере хрониста «реалистически» подать миф можно судить хотя бы по пересказу легенды о Миносе, Тезее и Ариадне (см. текст этого мифа в приложении): сверхъестественная природа Минотавра не упоминается, не говорится о лабиринте, ни о чудесной нити Ариадны, ни о дерзком полете Дедала и Икара (хотя оба эти герои упомянуты) — вся история Тезея предстает перед читателем как вполне заурядный эпизод военных столкновений фессалийцев и критян.

Словом, Хроника Малалы, излагавшая мифы, в большинстве случаев скрывала их языческую природу, а Хроника Амартола, лишь упоминавшая имена языческих богов и героев, в то же время «разоблачала» их связь с языческими культами, хотя и яростно протестовала против обожевления царей, героев и мудрецов.²¹

Однако именно через Хронику Малалы древнерусские книжники в наибольшей мере познакомились с сюжетами и персонажами античных мифов. И наша цель теперь проанализировать судьбу текста первых книг Хроники (содержащих изложение античных мифов) в древнерусской письменности.²²

* * *

Помимо Хронографа XIII в. (и восходящих к нему Архивского и Виленского хронографов), первые книги Хроники Малалы отразились в четырех памятниках древнерусской письменности: в третьей редакции Повести временных лет, во Вводной части Еллинских летописцев, в Прибавлении к палее и в Софийском хронографе. Дальнейшее распространение интересующих нас сюжетов шло уже через посредство Вводной части Еллинских летописцев.

Прежде всего обратимся к летописи. В третьей редакции Повести временных лет, в статье 1114 г., читается отрывок из Хроники Малалы. Примечателен текст, предшествующий этому фрагменту. Летописец сообщает, что жители Ладоги рассказывали ему о падающих из тучи «глазках стеклянных и малых и великих»; на севере же, говорят ладожане,

²¹ См. также: Э. М. Шусторович. Хроника Иоанна Малалы и античная традиция в древнерусской литературе. — ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968.

²² Внимательный читатель заметит, что я не упоминаю 5-й книги Хроники Малалы, излагающей легенды о Троянской войне. Это не случайно: данную книгу мы рассмотрим ниже, в кругу других произведений по мотивам троянского эпоса.

из туч ниспадают новорожденные белки и оленята. Кто же не верит сказанному, продолжает летописец, — «да почтеть фрониографа», и цитирует: «В царство Прово дождьго бывшу и тучи велиции, пшеница с водою многу смѣшена спаде, юже събравше, насыпаша сусѣкы велия. Тако же при Аврильянѣ крохти сребренны спадоша, а въ Африкѣ трие камене спадоша превелици». Затем приводится рассказ Хроники Малалы о египетских царях Местреме (Местраиме), Ермии (Гермесе), Феосте (Гефесте) и сыне его «именем Солнце, егоже наричють Даждьбогъ».²³

Еще В. М. Истрин установил, что предание о знамениях при римских императорах Пробе и Аврилиане восходит к Хронике Амартола, а рассказ о египетских царях — к Хронике Малалы. Исследователь обратил внимание, что оба эти источника летописец объединяет единым названием «хронограф», а также на то, что текст выписок из Хроники Малалы дословно совпадает с тем текстом славянского перевода ее, который мы находим в составе хронографа XIII в., а не с тем сокращенным пересказом, который входит в состав Еллинского летописца. Наконец, В. М. Истрин отметил, что ему неизвестен источник фразы «а въ Африкѣ трие камене спадоша превелици» и источник дополнения о нравах египетских женщин.²⁴ Сейчас есть возможность продолжить разыскания В. М. Истрина. Начнем с фразы Хроники Амартола. Ее можно соотносить не непосредственно с Хроникой, а с хронографической компиляцией, составленной на Руси еще в XI в., в которую, как можно полагать, вошли фрагменты из Хроники Амартола и из Хроники Малалы — с «Хронографом по великому изложению».²⁵ Обратившись к хронографической части Полной хронографической палеи, которая, как я предполагаю, представляет собой воспроизведение текста «Хронографа по великому изложению», мы обнаружим там источник интересующей нас фразы: «Съ убо Провъ вредоумень створися, уби Флориана. При томъ дождю бывшу, пшѣница смѣшена с водою спаде, еже собравше сусѣкы створиша великы. Тако же при Аврильянѣ крохти сребрнии спадоша».²⁶ Далее в рассказе о царствовании византийского императора Маркиана найдем и источник второй фразы: «При семь камене 3 спадоша съ небесѣ въ Фракисѣ превеликии».²⁷ Если обе эти фразы в летописи представляют свободный пересказ «Хронографа по великому изложению», то можно допустить, что в нем, в начальной его части, которая не может быть пока достаточно надежно реконструирована, читались и фрагменты из Хроники Малалы, использованные в той же летописной статье 1114 г. Этим объясняется, почему летописец говорит не о двух, а об одном источнике — «фрониографе».

Статья 1114 г. наглядно демонстрирует подход летописца к теме античной мифологии.

Поводом для введения хронографического текста в летопись послужило сообщение о «глазках» и маленьких оленятах, падающих с неба. Летописец приводит сведения об античных «знамениях» при римских и византийских императорах. Если учесть, что даже в сравнительно кратком тексте «Хронографа по великому изложению» эти сообщения отстоят друг от друга весьма далеко, нужно предполагать отличное зна-

²³ См.: Повесть временных лет, ч. 1. М.—Л., 1950 (Литературные памятники), с. 197—198. Тот же текст см. в: Ипатьевская летопись.— ПСРЛ, т. 2. М., 1962, стб. 277—279.

²⁴ В. М. Истрин. Хронограф Ипатского списка летописи под 1114 годом.— ЖМНП, 1897, ноябрь, с. 83—91.

²⁵ См.: О. В. Творогов. Древнерусские хронографы, гл. II.

²⁶ Полная хронографическая палея. Рукопись ГПБ, собр. Погодина, № 1435, л. 421 об. Ср.: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола. . . , т. I, с. 325.

²⁷ Полная хронографическая палея, л. 430 об. Ср.: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола. . . , т. I, с. 402.

ние этого текста летописцем. Обращение к мифу о Феосте (Гефесте) вызвано тем, что при этом легендарном царе Египта также с неба упали клещи. Если этот миф действительно читался в том же «Хронографе по великому изложению», то где-то в начальной его части, на много листов ранее, чем статьи об Аврелиане и Маврикии, — снова пример того, что текст источника, вероятно, был хорошо известен летописцу.

Он понимает, что речь идет о событиях более раннего времени, поэтому начинает свой рассказ словами: «И бысть по потопись и по раздѣленьи языкъ» — и далее по Малале — «поча царьствовати первое Местромъ, от рода Хамова, по немь Еремия, по немь Феоста, иже и Соварога (так!) нарекоша егуптяне». Эта фраза — пересказ более пространныго текста из XXIII гл. первой книги Хроники Малалы: «Егда убо Ерминъ въ Егупеть прииде, тогда царствова Местремъ от рода Хамова. По немъ же, умершю тому, поставиша египтяне Ермия царя... По немъ же царствова Егуптом Феостъ...»; отождествление Феоста со Сварогом содержится уже в переводе второй книги Хроники (гл. I): «По умрътвию же Феостовъ, егоже и Сварога наричить, и царствова египтяномъ сынъ его Солнце именовъ, егоже наричють Дажьбогъ».

Здесь необходимо заметить, что, видимо, славянский переводчик по собственной инициативе связал имена античных божеств, которые у Малалы выступают как легендарные цари, с персонажами славянского языческого пантеона, вернув Гефесту и Гелиосу статус небожителей.

Дальнейший летописный текст: «Царствующему сему Феостъ въ Егуптъ... казнити повелеваше» — представляет свободный пересказ текста гл. XXIII первой книги Хроники Малалы, при этом рассказ о установленном Гефестом законе единобрачия читается у Малалы раньше, чем рассказ об упавших с неба клещах. Следовательно, обратившись к данному тексту первоначально в поисках нового примера знамений, летописец решил поведать читателям и о брачных обычаях египтян.

В. М. Истрин не смог установить источник следующего далее фрагмента: «Преже бо сего жены блудяху, к немуже хотяше, и бяху, акы скоть, блудяще. Аще родяшеть дѣтиць, которы ѿи любъ бываше, дашеть: „Се твое дѣтя“; он же, створяше празнество, приимаше. Феостъ же съ законъ расыпа, и въстави единому мюжю едину жену имѣти, и женѣ за одинъ мужъ посагати; аще ли кто переступитъ, да звергуть ѿи в пещь огнень». Выяснилось, что это пересказ той же Хроники Малалы, однако не первой и второй ее книг, к которым восходит остальная часть рассматриваемого летописного рассказа, а гл. IV четвертой книги. Там повествуется о легендарном царе Аттики Кекропсе, который также «повелѣ законъ положити женамъ... да дѣвица за единъ мужъ посягаетъ», ибо прежде женщины «антически и афинейски и ближнихъ мѣсть звѣриномъ смѣсомъ смѣшахуся»; при этом «никтоже убо вѣдяше, чии есть сынъ или дщи, но якоже будяше матери годѣ, такоже речаше „сего есть сынъ или дщи“, и дадаше роженое отроча емуже хотяше мужу от бывшихъ с нею... И радовашеся приемляи отроча. Кекрокъ же от Египта пришель отверже законъ той». Сюжетная близость летописного фрагмента и данного рассказа Хроники Малалы несомненна, хотя в одном случае речь идет о египетском царе Гефесте, а в другом — о царе афинском, хотя и пришедшем из Египта. Но вот любопытное наблюдение. Максим Грек перевел фрагмент из Лексикона Свида, озаглавленный им «Промифей», в котором находим в сокращении весьма сходный текст, но с добавлением, что Кекропс ввел свой брачный закон «по законоположению Ифестову, царя египетскаго».²⁸ Исследователи Лексикона Свида соотно-

²⁸ Рукопись ГПБ, Q.I.219, л. 552 об.

сят этот текст с Хроникой Малалы или Хроникой Иоанна Антиохийского²⁹ (вопрос о возможности отождествления этих авторов остается спорным). Для нас же важно пока отметить следующее: в распоряжении составителя хронографа, которым пользовался летописец, был либо текст Хроники Малалы, чем-то отличающийся от того, который мы знаем по греческому Оксфордскому списку и по славянскому переводу в Архивском и Виленском хронографах, либо какой-то иной источник, содержащий также изложение античных мифов.

Вернемся к анализу летописного фрагмента из статьи 1114 г.

Дальнейший текст («Сего ради прозваша и Сварогом. . . И бысть чисто житие по всей земли Егупетской, и хвалити начаша») возвращает нас ко второй книге Хроники Малалы, и создается впечатление, что летописец (а скорее всего его предшественник — составитель «хронографа») соединил два источника: либо объединил фрагменты из 1—2-й и 4-й книг Хроники Малалы, либо дополнил рассказ первых книг Малалы по другому источнику, сюжетно близкому к рассказу четвертой книги Хроники. После слов «. . . и хвалити начаша» в летописи читается: «Но мы не продолжимъ слова, но рцѣмъ съ Давидомъ: „Вся елико въсхотѣ, и створи господь на небеси и на земли, в мори, въ всехъ безнахъ, възводяи облакы от послѣднихъ земли“. Се бо и бысть послѣдняя земля, о ней же сказахомъ первое». Последняя земля — это, видимо, те северные страны, рассказ о которых и побудил летописца пуститься в пространный экскурс о знамениях в древности и о нравах египтян. Что же именно не стал «продолжать» летописец? Может быть, эти слова имели не только общий, но и конкретный смысл, ибо рассказ о царе Солнце имеет в Хронике Малалы (книга вторая, гл. I) такое окончание: «. . . и бысть чисто житие по всей земли Египетстѣи, и блажити ѿ начаша, якоже рече Омиръ творецъ о нѣмъ, акы Дажьбогъ, рече, обличи Афродиту блудящу съ Ариемъ. И Афродиту нарече похоть блудную от Солнца царя обличену, въ истинну же, якоже Палефать премудрыи хронографъ списа» — переложение известного мифа об Афродите и боге войны Аресе. Летописец не привел этого окончания, быть может, из христианского пуризма, который был ему присущ в большей степени, чем переводчику Малалы, смело отождествлявшему царей Малалы со славянскими божествами.

Рассмотрим теперь другой памятник, сохранивший фрагменты из первых книг Хроники Малалы, — Вводную часть Еллинских летописцев. Я не стану касаться здесь вопросов о ее происхождении и о том, каким образом она попала в первую и вторую редакции Еллинского летописца, сохранившиеся в списках XV—XVI вв.³⁰ Для нас сейчас важно другое: Вводная часть, по всей вероятности, отражает текст либо начальной части «Хронографа по великому изложению», либо какой-то иной хронографической компиляции, известной уже в Киевской Руси.

Во Вводной части сюжеты Хроники Малалы переданы в значительном сокращении. Здесь отразились мифы о борьбе бога (!) с гигантами, о Кроне, о Зевсе, Ангеноре и Велесе (т. е. Агеноре и Беле), о Ермии и Семеле, о Геракле, о Персее. Мифы эти не пересказываются подробнее, поскольку все фрагменты из Вводной части, имеющие отношение к античной мифологии, публикуются в приложении к статье.

Исследователи давно обратили внимание на то, что во Вводной части Еллинских летописцев (а также в Архивском—Виленском хронографах)

²⁹ Suidae lexicon, pars IV. Ed. A. Adler. Lipsiae, 1935, p. 214. Благодарю за консультацию Д. М. Булавина.

³⁰ Подробнее о редакциях Еллинского летописца и Вводной части их см.: О. В. Т в о р о г о в. Древнерусские хронографы, гл. I, V.

содержатся фрагменты, не находящие соответствия в греческом тексте Хроники Малалы, который мы знаем по Оксфордскому списку и по списку № 682 Парижской национальной библиотеки.³¹

Так, во Вводной части Еллинских летописцев читается рассказ о Кроне: «Глаголють же, яко влѣхвовавшу Крону, кто приметъ его царство, и дано бысть ему проречение, яко сынъ его приметъ, да темъ разгнѣався Кронъ, пожираеше вся дѣти, яже раждаше ему жена его Ариа. Егда же время ей бѣ родити нарицаемаго Пика Зевеса, еже есть Ди, събра кюриты, нѣкыа бѣсы гласяща и поюща и въ оружии звоняща, да облазнятся Кронъ, не слышавъ плача отрочяте и умедлить. Отрочя же дано бысть (въ Критъ — добавлено в другом списке) въскрѣмити, а в него мѣсто камень повивше положиша, да усмотривъ от облакъ Кронъ, съшед, пожре камень, мян отрочя, да ту абие излева и прѣжня пожрътыя».³² В Виленском хронографе (и соответственно в Архивском) имеется тот же сюжет, но в более кратком пересказе: «Бают бо баснословци елиньстии, яко отвѣтъ приемъ отецъ Дыевъ, яко остатися ему званиа царьскаго от единого от дѣтйи его, елико ражаше ему мужескъ полъ жена его Ира, а онъ их пожираше. Родивши же Дыя и милующи красоты его ради, украдши въ Критъ ѿ отслала».³³

Другой фрагмент Вводной части, не имеющий параллели в греческом тексте Хроники Малалы, сообщает о расправе Зевса над отцом своим Кроном: «Инии же глаголють, яко Пикъ, отца своего имъ, истеса его отрѣзавъ, вверже в море, самого же в тимѣнии погрузи и нуждею отымъ царство его»;³⁴ в Виленском хронографе: «Вѣщаша древнии, яко Кронъ въста на отца своего глаголемаго Дамиа, и, отрѣзавъ уды его таинныя, ввверже их в море. Приплувше же таинных удовъ отрезание к берегу, Афродита видѣвши и взят их, да овогда творяше мужьская, а другды страдаша женьскаа. Тако убо та студя и породнѣ чтется богыни пакы блудных ради смѣшении скверных тайнъ».³⁵

Третий фрагмент — миф о Семеле. Во Вводной части он читается в следующем виде: «Се же и Семель, дщерь Кадъма царя, златомъ уснуби, и любяше паче инѣхъ. Къ ней же иноцѣ ея глаголаху: „Проси у Зевѣса, да приидеть истъ съ громомъ многымъ и мльни[е]ю“. Си же Семель не вѣдуци лъсти их, а бяше имущи въ чревѣ, въпросивши у Зевеса, и прииде къ ней и зажже ю. Отрочища же изъ ютробы ея истръгъ недоношено, имущъ седмъ мѣсяцъ. И въ своемъ стѣгнии сего доносивъ, Денисиемъ сего именована. Съи же Дионисии началникъ же бѣ pianству».³⁶

Обратим внимание на то, что в первых двух случаях тексты во Вводной части и в Архивском—Виленском хронографах существенно различаются. При этом, если обычно Вводная часть передает рассказ Малалы в сокращении, тогда как Архивский—Виленский хронографы полностью следуют за греческим текстом, то в первом из рассмотренных примеров,

³¹ Об этом писали М. А. Оболенский, И. И. Срезневский, но наиболее основательно данным вопросом занялись С. П. Шестаков (С. П. Ш е с т а к о в. О значении славянского перевода Хроники Иоанна Малалы для восстановления и исправления ее греческого текста. — Византийский временник, т. 1, вып. 3—4. СПб., 1894, с. 503—552) и В. М. Истрин (Александрия русских хронографов, с. 328 и 360). Фрагмент из Архивского и Виленского хронографов, который не имеет соответствия в греческом тексте Хроники Малалы, публикуется в приложении к настоящей статье.

³² Рукопись ГПБ, собр. Погодина, № 1437, л. 7 об.—8. Сюжет восходит к Гесиоду (Теогония, 453—497); см. также: А п о л л о д о р. Мифологическая библиотека, I, 1, 6—7.

³³ Виленский хронограф, л. 26 об.

³⁴ ГПБ, собр. Погодина, № 1437, л. 8—8 об.

³⁵ Виленский хронограф, л. 26 об.

³⁶ ГПБ, собр. Погодина, № 1437, л. 8 об.

напротив, рассказ Вводной части значительно подробнее. Во втором случае тексты Вводной части и хронографов существенно различаются и по деталям сюжета, и лексически; кроме того, существенно, что если в рассказе Вводной части Зевс (Пик) осклапляет Крона, то в Архивском—Виленском хронографах, согласно античной мифологической версии, Крон расправляется с Ураном (Дамием) и с актом осклапления связано рождение Афродиты.³⁷ Наконец, в третьем случае мы имеем во Вводной части изложение традиционного мифа (согласно ему, ревнивая Гера советует Семеле просить Зевса, чтобы он явился к возлюбленной с атрибутами божества),³⁸ в то время как в Хронике Малалы (и соответственно в Архивском—Виленском хронографах) рассказывается иная версия: отцом Диониса назван не Зевс, а Полумид, а причиной преждевременных родов Семелы явилась напугавшая ее «слота» («ненастье»; видимо, имеется в виду гроза), а версия о Зевсе, «сохранившем» младенца «в своем лоне (!)», приводится как легендарное объяснение «древних» (книга вторая, гл. XIII).

Все сказанное заставляет меня отказаться от прежде высказанного предположения, что во Вводной части мы имеем дело с особенностями того варианта Хроники Малалы, который был в распоряжении древнерусских книжников:³⁹ этот текст, по-видимому, и передан в Еллиньских летописцах и Архивском—Виленском хронографах. Но наряду с Хроникой Малалы в распоряжении древнерусских книжников, видимо, был и какой-то иной источник: его, возможно, использовали параллельно с текстом Хроники Малалы. Был ли это комментарий Нонна к словам Григория Богослова, как думает С. П. Шестаков,⁴⁰ или какой-либо иной текст, может быть, покажут дальнейшие исследования.⁴¹

Для нас сейчас важно отметить другое: в киевскую эпоху древнерусские книжники располагали текстами, излагавшими античные мифы, и творчески использовали их в своих хронографических компиляциях. Можно предположить, что в рассмотренном выше рассказе о нравах египтян в Повести временных лет мы встречаемся с тем же явлением: хронограф — источник летописца уже содержал изложение по первой и второй книгам Хроники Малалы, дополненное по иному источнику, а это дополнение сюжетно перекликается с соответствующим местом из четвертой книги Хроники Малалы.

Другой памятник, также предположительно восходящий к какой-то древней хронографической компиляции типа «Хронографа по великому изложению», назван мной Прибавлением к палею, так как он читается непосредственно за текстом Полной хронографической палеи.⁴² Все известные мне списки относятся к концу XV—началу XVI в., к периоду, когда проявляется особенно живой интерес ко всемирной истории, интенсивно составляются и распространяются древнерусские хронографи-

³⁷ См.: Г е с и о д. Теогония, 154—206.

³⁸ Согласно Гигину (Басни, 167), Гера является к Семеле в образе ее няни Берои; в славянском тексте — «иночь ея глаголаху»; следовало бы употребить единственное число: «иночь» — «первая жена второбрачного мужа», в данном случае Гера.

³⁹ См.: О. В. Т в о р о г о в. Древнерусские хронографы, с. 133.

⁴⁰ С. П. Ш е с т а к о в. О значении славянского перевода. . . , с. 524—530.

⁴¹ Что же касается лексической близости отмеченных отрывков с лексикой славянского перевода Хроники Малалы, которую убедительно продемонстрировала Э. М. Шусторович в статье «Об одном отрывке из древнеславянского перевода Хроники Иоанна Малалы» и которую подтверждают также и мои наблюдения (см.: О. В. Т в о р о г о в. Древнерусские хронографы, с. 132), то близость эта может объясняться тем, что перевод Малалы и других источников сведений об античной мифологии был сделан либо одним лицом, либо одновременно.

⁴² Прибавление сопровождается все известные мне списки Полной хронографической палеи — рукописи: ГИМ, собр. Синодальное, № 210, 211; ГПБ, собр. Погодина, № 1435.

ческие компиляции.⁴³ Примечательно, что Прибавление к палее, содержащее изложение античных мифов, следует за текстом такого церковно-учительного памятника, каким являлась палея (хотя Хронографическая палея делает этот жанр более историческим, сократив толкования и продолжив события библейской истории повествованием о истории стран Востока, Греции, Рима, Византии и даже Руси).⁴⁴ Существенно и то, что античные мифы в составе самого Прибавления находятся в окружении статей на темы священной истории и истории церкви. Мифологическую часть Прибавления составляют статьи о Кроне, Ермии (Гермесе), Фисте (Гефесте), Агеноре и Велесе (Беле); в целом эти статьи несколько короче, чем мифологические статьи Вводной части Еллинических летописцев. Но примечательно и другое: хотя между Вводной частью Еллинических летописцев и Прибавлением наблюдается в ряде случаев текстуальная и композиционная близость, мы можем лишь считать, что оба памятника, независимо друг от друга, восходили к общему источнику.⁴⁵ Отмечу, например, наличие в Прибавлении чтения, противопоставленного пропуску не только во Вводной части Еллинических летописцев, но и в Архивском—Виленском хронографах.

Так, рассказ об Агеноре и Беле в рассматриваемых памятниках начинается такими словами:

Дъщи же Дыева, иже от дщери Наховы, царя Прѣсѣченъска, посяже за Посидона, и Ангенора и Велоса (Вводная часть).

Дщи же Ионинова и Дыева посяже за Посидона и роди от нея Ангенора и Велоса (Архивский хронограф).

Ливии же, дщи Пика Диа, причтася нѣкоему имя (так!) Посидонъ, роди Велона Ангира (Прибавление к палее по списку ГПБ, собр. Погодина, № 1435, л. 449 об.).

Имя Ливии (дочери Ио от Зевса) присутствует только в «Прибавлении», это имя читается и в греческом тексте Хроники Малалы, но в целом фраза там оказывается ближе всего к чтению Архивского хронографа: Ἡ δὲ Λιβίη, ἡ θυγάτηρ τῆς Ἰὼ καὶ τοῦ Πίκου τοῦ καὶ Διός, ἐγαμήθη τινὶ ὀνόματι Ποσειδῶνι: ἐξ ὧν ἐπέχθησαν ὁ Ἀγγήνωρ καὶ Βήλος...⁴⁶

Следовательно, существовали и иные, не дошедшие до нас компиляции, в которых излагались сюжеты античных мифов, при этом источниками их могли быть не только первые книги Хроники Малалы, но и какие-то иные переводные памятники.

Четвертым памятником, использовавшим текст Хроники Малалы, является Софийский хронограф, открытый и исследованный В. М. Истриным.⁴⁷ Хронограф этот читается в составе сборника ГПБ (Софийское собр., № 1454, л. 334—376) и содержит краткое изложение всемирной истории от сотворения мира до византийского императора Константина VII. Хронографическая часть сборника датируется XVI в. При всей своей краткости Софийский хронограф тем не менее передает содержание 1-й, 2-й и 4-й книг Хроники Малалы, в частности содержащихся в них пересказов мифов, свидетельствуя, что интерес к ним продолжал существовать и во время составления этой хронографической компиляции.

Какова же дальнейшая судьба «мифологических книг» Хроники Малалы на русской почве? Вводная часть Еллинических летописцев чита-

⁴³ См.: О. В. Творогов. Древнерусские хронографы, с. 31—32.

⁴⁴ Описание хронографической части Полной и Краткой хронографических палей см. там же (с. 237—262).

⁴⁵ Там же, с. 127—129.

⁴⁶ См.: Ioannis Malalae Chronographia. Rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831, l. II, 30, 4—5. Замечу, что в Софийском хронографе (речь о нем пойдет ниже) читается: «Дщи же Дыева Ливия посяже за Посидона и роди от неа Агенора и Велеона» (л. 345).

⁴⁷ В. М. Истрин. Краткий хронограф с Хроникой Иоанна Малалы.— В кн.: Исследования в области древнерусской литературы. СПб., 1906, с. 52—70.

ется как во всех четырех списках Первой редакции Еллинского летописца,⁴⁸ так и в списках Чудовского вида Второй редакции.⁴⁹ Мы не раз встретим в сборниках и хронографических компиляциях XV—XVII вв. фрагменты из этой Вводной части, неоспоримо свидетельствующие о том, что мифологические сюжеты (как бы они ни воспринимались) интересовали древнерусских книжников.⁵⁰ Обращению к античным мифам литературы XVII в. я намереваюсь посвятить особую работу, сейчас же ограничусь справкой, что при составлении новой редакции хронографа в начале XVII в. (Основной редакции 1617 г.) в нее были полностью включены все «мифологические» статьи из Вводной части Еллинских летописцев; полностью вошла Вводная часть и в компилятивный хронограф XVII в. из Румянцевского собрания (ГБЛ, собр. Румянцева, № 456, л. 1—11). Так как все хронографы XVII в. в конечном счете восходили к Основной редакции 1617 г., то фрагменты из Вводной части Еллинских летописцев, естественно, читались и во всех этих редакциях.

Другие византийские хроники (Хроника Синкелла и Паралипомен Зонары) не содержат интересующего нас мифологического материала; что же касается Хроники Константина Манассии, то там лишь подробно изложена история Троянской войны (о чем пойдет речь ниже).

Составленный в начале XVI в. Русский хронограф также очень скупо коснулся мифологической тематики. Возможно, что дело объясняется не столько идеологической, сколько текстологической причиной: источником Хронографа явился список Академического вида второй редакции Еллинского летописца,⁵¹ а в списках этого вида Вводная часть отсутствует. В Хронографе мы встречаем всего два обращения к теме античной мифологии. Во-первых, это повествование о Троянской войне, о котором речь пойдет ниже. Во-вторых, в статье «О родословии по потопись» содержится рассуждение о порочном обожествлении животных и «скверных человек», которых называли «по имени больших звезд и по стихиям»: «Ифеста убо огнь нарекоша, Димитру же землю, а водныя съставы окиана нарекоша Посидона, иже бысть кормчий кораблемь, Афродиту же — желание блудное, Ареа же ярость. . .», и т. д.⁵²

Несколько слов следует сказать о романах об Александре Македонском. На Руси был известен роман, восходящий к эллинистическому роману начала II—III вв. н.э. (так называемой Александрии Псевдокаллисфена); этот роман вошел в состав русских хронографических компиляций (Хронографа XIII в., Троицкого хронографа,⁵³ обеих редакций Еллинского летописца, а в переработанном виде — во все редакции Русского хронографа). Другой памятник, так называемая Сербская Александрия, отражает уже средневековую переработку Псевдокаллисфеновой Александрии. Русский перевод этого южнославянского (как полагает

⁴⁸ Списки: ГИМ, Синодальное собр., № 280; ГИМ, собр. Уварова, № 10/1334; ГПБ, собр. Погодина, № 1437; БАН, 45.10.6. Список неполный, однако Вводная часть в мифологические статьи в нем читается. Список БАН — конца XV в., остальные списки — XVI в.

⁴⁹ Списки: ГИМ, Чудовское собр., № 51/353; ГПБ, F.IV.91; ГПБ, собр. ОЛДП, F.33. Все списки дефектны; лучше всего текст Вводной части сохранился в списке ОЛДП.

⁵⁰ Выписки из Вводной части встретились мне в сборнике XV в. ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 11/1088, писанном рукой Ефросина, в сборнике ГПБ, Соловецкое собр., № 922/1032.

⁵¹ О. В. Т в о р о г о в. Древнерусские хронографы, с. 161—162.

⁵² Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 года. — ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, с. 31.

⁵³ См.: В. М. И с т р и н. Александрия русских хронографов; О. В. Т в о р о г о в. Древнерусские хронографы, с. 85—89.

большинство исследователей) романа появился на Руси в XV в.⁵⁴ Однако обе «Александрии» мало чем интересны для нашей темы: мифологический элемент в них почти отсутствует, ибо романы отражают уже культы эллинистического Египта (например, культ Ливийского Аммона, отождествлявшегося с Зевсом), а в Сербской Александрии Александр посещает Иерусалим и выслушивает наставление еврейского пророка Иеремии. В той же Сербской Александрии упоминаются герои Троянской войны (Аякс, Ахилл, Менелай, Елена, Поликсена), но, судя по тому что во многих списках памятника, в том числе списках XVII в. (когда сказания о Троянской войне были уже достаточно известны), имена героев до неузнаваемости искажены, переписчики Александрии не всегда понимали, о ком именно идет речь.⁵⁵

* * *

Обратимся теперь к памятникам, созданным по мотивам знаменитого Троянского эпоса. Источником средневековых повествований о Троянской войне (чрезвычайно распространенных во всех европейских странах) были не поэмы Гомера и даже не киклические поэмы, а романы мнимых участников Троянской войны — Дарета Фригийца и Диктиса Критянина.⁵⁶ Знакомство русского читателя с легендами Троянского цикла по существу началось лишь в XV в. Правда, как уже говорилось, пятая книга Хроники Иоанна Малалы также содержала подробный рассказ о Троянской войне, однако эта книга, известная нам в славянском переводе по Архивскому и Виленскому хронографам, видимо, не получила широкого распространения в древнерусской литературе.⁵⁷

Рассказ о Троянской войне читается также в Хронике Константина Манассии, использованной, как сказано выше, при составлении Русского хронографа.⁵⁸ В Хронике события Троянской войны излагались в статьях «Зде поведует како вечернии елини и всточнии междусобнуа рат сътвори-

⁵⁴ Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. Изд. подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. М.—Л., 1965. (Литературные памятники).

⁵⁵ Так, например, имя Агамемнона превращалось в Гаминуша, или Календуша, Елены — в «царя Календуша», Менелая — в Мелауша и Меламеуша и т. д. Благодарю Е. И. Ваневу за сообщенные сведения.

⁵⁶ Латинский перевод с греческого романа «История о разрушении Трои Дареса Фригийца», написанного, как полагают, во II—III вв., появился в конце V в. Еще ранее, в IV в., Луций Септимий перевел с греческого на латинский «Дневник Троянской войны» Диктиса. Находка греческого фрагмента, датируемого временем около 200 г. н. э., опровергает существовавшее мнение, что Септимий сам был автором «Дневника». Оба произведения изданы: Dares Phrygius. De excidio Troiae. Ed. F. Meister. Leipzig, 1873; Dictys Cretensis Ephemeridos belli troiani libri a Lucio Septimio ex graeco in latinum sermonem translata. Ed. Werner Eisenhut. Leipzig, 1958. См.: М. Г р а б а р ь - П а с с е к. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М., 1966, с. 83, 84, 91—99; И. Н. Г о л е н и щ е в - К у т у з о в. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972, с. 45—47.

⁵⁷ Иоанн Малала в своей Хронике следует версии Диктиса. Славянский текст пятой книги (по Архивскому хронографу) изд.: В. М. И с т р и н. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, книга. Одесса, 1909. Русский перевод (с греческого) большей части этой книги с начала и до конца гл. XIV см. в кн.: Памятники византийской литературы IV—IX веков. М., 1968, с. 182—195.

⁵⁸ Эта византийская стихотворная хроника написана в XII в., в XIV в. переведена на болгарский язык и, видимо, в XV в. стала известна на Руси. Сохранилось семь списков Хроники (два из них содержат только начало памятника). По старшему из списков (ГИМ, Синодальное собр., № 38, XIV в.) Хроника издана И. Богданом: Cronica lui Constantin Manasses. Text și glosar de Ioan Bogdan. București, 1922; см. также фототипическое воспроизведение этого издания: Die slavische Manasses-Chronik. Nach der Ausgabe von Ioan Bogdan. Mit einer Einleitung von Johann Schropfer. Slavische Propylaen. Bd 12. München, 1966. Рассказ о Троянской войне см. в издании Богдана, с. 36—46.

шу велику нѣкогда» и «О прѣяти Троя града». ⁵⁹ Кроме того, в некоторых списках Хроники Манассии, и в частности в том, который находился в распоряжении составителя Русского хронографа, читается вставка — особая повесть о Троянской войне, так называемая «Притча о кралех». ⁶⁰ Это средневековый рыцарский роман, созданный, как полагают, в Далмации на основе латинского оригинала, о чем свидетельствуют римские имена богов и латинизированные формы имен собственных. ⁶¹

В литературе нередко смешивают «Притчу» и рассказ о Троянской войне в составе Русского Хронографа — «Повесть о создании и поплнении Тройском», высказывают предположение о связи «Притчи» с повествованием Хроники Маллалы и т.д. Поэтому я привожу далее краткий пересказ всех трех произведений: пятой книги Хроники Малалы, основного рассказа Хроники Манассии и «Притчи о кралех». Для удобства читателей имена героев и географические названия во всех трех пересказах унифицированы и приводятся в традиционной форме.

Начнем с изложения содержания пятой книги Хроники Малалы.

У Приама и Гекубы рождается сын Парис. Оракул предвещает, что Парис, достигнув тридцатилетнего возраста, погубит Фригийское царство. Приам отправляет сына (дав ему новое имя — Александр) на воспитание к крестьянину из дальнего селения. Парис становится взрослым, отличается красотой и умом. Он сочиняет похвальную речь и гимн в честь Афродиты. Через 32 года Приам возвращает сына в Трою и вскоре посылает его в Грецию принести благодарственные дары Аполлону Дафнейскому. Парис прибывает в Спарту и останавливается у спартанского царя Менелая. Во время отъезда Менелая на Крит Парис похищает его жену Елену и приплывает с ней сначала в Египет, а затем в Трою. Елена убеждает Приама и Гекубу, что она принадлежит к их роду; они с радостью ее принимают. Менелай и Агамемнон требуют возвращения Елены и, получив отказ, собирают войска для похода на Трою. Вместе с ними отправляется Ахиллес. В пути греков настигает буря, и Агамемнон приносит в жертву Артемиде свою дочь Ифигению. Греки высаживаются под стенами Трои, грабят окрестные земли. Ахиллес захватывает в плен Астиному (Хрисейду) и Брисейду; за сокрытие Брисейды его отстраняют от участия в войне. Аякс захватывает Херсонес (Фракийский) и принуждает царя Полиместра выдать ему сына Приама Полидора. После неудавшейся попытки обменять Полидора на Елену мальчика убивают. ⁶² Описывается внешность греческих и троянских героев, приводится перечень греческих военачальников («каталог кораблей»). Кратко упоминается о победе греков, разрушении ими Трои, гибели Приама и Гекубы. Аякс Теламоник и Одиссей спорят, кому должен принадлежать палладий. ⁶³ Одиссей рассказывает о своих личных заслугах: он подстроил убийство Париса и изобрел деревянного коня. ⁶⁴ Оскорбленный Аякс кончает жизнь самоубийством; войско Аякса и Пирра выступает против Одиссея, и тот поспешно отплывает из Трои. По пути

⁵⁹ Cronica lui Constantin Manasses, с. 36—46.

⁶⁰ Текст «Притчи» издавался несколько раз, в том числе в упомянутом издании И. Богдана (с. 46—67).

⁶¹ См.: А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести. Вып. 2. Славяно-романский отдел.— СОРЯС, 1888, т. XLIV, № 3; Р. Маринкович. Јужнословенски роман о Трои.— В кн.: Београдски универзитет. Анали филолошког факултета, књ. 1, 1961. Београд, 1962.

⁶² Окончание эпизода с Полидором и описание внешности греческих героев (Агамемнона, Менелая, Ахиллеса и др.) в греческом тексте по Оксфордскому списку отсутствуют.

⁶³ Статуэтка Афины Паллады, оберегавшая город и выкраднная греками.

⁶⁴ Здесь, однако, остается неясным, зачем нужно было изготавливать коня.

Одиссей попадает к листригонам, к Киклопу и Полифему,⁶⁵ к волшебнице Кирке и нимфе Калипсо. Затем повествование обращается к Пирру. Герой расспрашивает Тевкра об отце. Тевкр рассказывает, как Ахиллес убил Гектора, как Приам вымолил тело убитого сына, как на помощь троянцам пришли амазонки во главе с Пентезилеей и как Ахиллес ее убил, как прибыл царь Мемнон, как вспыхнула любовь Ахиллеса к Поликсене, дочери Приама, и как герой был убит в роще Аполлона. Затем рассказывается история Клитемнестры, жены Агамемнона, которая вместе с любовником Эгистом убивает мужа; Орест, сын Агамемнона, убивает мать и Эгиста, а затем вместе с Пиладом бежит в Авлиду, где встречается со своей сестрой Ифигенией — жрицей в храме Артемиды. После скитаний Орест, Пилад и Ифигения возвращаются в Элладу.

Сравним теперь сюжет основного рассказа Хроники Манассии.

Предвещание о гибели Трои от Париса Гекуба видит еще до рождения сына, Приам решает погубить младенца, но, сжалившись, отдает на воспитание в село. Когда Парис подрос, то, убив кого-то из своих «сродников», вынужден бежать в Спарту к Менелаю. Похитив Елену, Парис попадает в Египет; царь Протеус порицает его, но не предаёт казни только потому, что не хочет нарушать обет гостеприимства; Протеус оставляет у себя Елену и все сокровища, захваченные Парисом в Спарте, а самого изгоняет. Греки во главе с Менелаем, Агамемноном и Ахиллесом отправляются походом на Трою, грабят окрестные земли. Далее перечисляются союзники троянцев и кратко описываются битвы. Одиссей завидует славе Паламеда, ему удается оклеветать его перед греками, и Паламеда убивают. Ахиллес, скорбя о Паламеде, отказывается участвовать в боях. Лишь гибель Патрокла вновь возвращает Ахиллеса в ряды сражающихся; он убивает Гектора. На помощь троянцам приходят амазонки и Мемнон. Во время совместных жертвоприношений Ахиллес видит дочь Приама Поликсену и влюбляется в нее. Сыновья Приама Деифоб и Парис убивают Ахиллеса в храме Аполлона. Греки посылают за сыном героя — Пирром. Они изготавливают также деревянного коня, внутри которого прячутся воины, и благодаря этому овладевают Троей. Менелай отправляется в Египет, где у царя Протея (Протеуса) находит Елену, возвращается с ней в Спарту; там он узнает о гибели Агамемнона и убийстве Клитемнестры Орестом.

Мы видим, что в целом канва обоих рассказов совпадает, однако рассказ Хроники Манассии значительно короче: единственный добавочный сюжетный мотив — рассказ о гибели Паламеда, послужившей причиной того, что Ахиллес отказался участвовать в боях; подробней повествуется о деревянном коне, с помощью которого была взята Троя.

В «Притче о кралях» рассказ начинается изложением родословной Приама, затем повествуется о вешем сне Гекубы, о рождении Париса, которого напуганные недобрым знамением родители повелевают бросить вдали от города. Младенца подбирает и воспитывает «овчарь стар». Став юношей, Парис «ходит и играет с добрыми витязями»; его приглашают на свадьбу короля Пелея. На ту же свадьбу являются три «вилы пророчицы», а четвертая, не познанная Пелеем, по имени Дискордия (римская богиня раздора) решает отомстить за свою обиду: она подбрасывает в сад золотое яблоко с надписью: «Кюа естъ наилѣпа от васъ триехъ сестръницъ, тои буди сиа златаа аблъка». Пророчицы заспорили и были призваны в Трою предстать перед богом Фебом и пророком (!) Юпитером, которые *отсылают их назад к Пелею и предлагают просить Париса разрешить*

⁶⁵ У Малалы киклоп Полифем «раздваивается»: Полифем называется братом Киклопа.

спор о красоте. «Пророчицы» являются к юноше. Юнона (здесь впервые называются их имена) обещает Парису богатство, Паллада — наделить храбростью, а Венера сулит «добрую любовь» и «добрую госпожу Елену, царицу греческую»; Венера же открывает Парису тайну его рождения. Парис отправляется в Троию. По пути он встречается со своей первой женой Эноной и обещает ей хранить верность. Приам и Гекуба радостно встречают сына.

Приам ищет мастеров для постройки крепостных стен Трои. Вызываются два «дьявола земные» — Феб, под звуки гуслей которого сами созидаются стены, и Нептун, который достает со дна моря вар и камни. При расчете за работу Приам обманывает Феба и Нептуна, они грозят: «Мы есвѣ створила Троию град, мы хоцевѣ и умыслити како го и расыпати» — и отправляются к обиженным Парисом «пророчицам». Дочь Приама Кассандру пытается склонить к любви «пророк» Юпитер, она не уступает его домогательствам, и Юпитер налагает на нее заклятие: ее предсказаниям не будут больше верить. И когда Кассандра пророчествует о гибели Трои по вине Париса и Елены, ее никто не слушает. Парис отпрашивается у отца на службу (!) к Менелая. Там он влюбляется в Елену⁶⁶ и после долгих уговоров убеждает царицу бежать с ним в Троию. Когда Менелай отправляется на войну, Парис скрывается больным и в отсутствие мужа похищает Елену. Беглецы прибывают в Троию, но, за исключением родителей Париса, никто не хочет встречать их, так как все знают (несмотря на то что не верили Кассандре), сколько крови прольется из-за Елены.

Менелай собирает греческих царей в поход на Троию. Одиссей отказывается принять участие в походе, притворившись безумным, но его разоблачает Паламед. Ахиллес же уклоняется от похода на Троию, переодевшись в женское платье.⁶⁷

По пути греков застает буря, вызванная оскорбленной «пророчицей», так как воины Агамемнона убили ее лань.⁶⁸ Одиссей по поручению греков отправляется к жене Агамемнона и хитростью увозит ее дочь Цветану (Ифигению), которую и должны принести в жертву. Греки благополучно прибывают под Троию. Менелай и Одиссей безуспешно пытаются убедить Приама вернуть Елену. Упрекает Париса и осуждает Елену также и Энона. Жрец Калкас предвещает, что Троию не взять без участия Ахиллеса. Одиссей хитростью обнаруживает Ахиллеса и привозит его под Троию. Начинаются битвы. Ахиллес ссорится с Агамемноном из-за Брисеиды и отказывается принимать участие в боях. Гектор и Аякс встречаются и дружески беседуют на поле брани.⁶⁹ После упреков Гектора принимает участие в сражениях и Парис, но его ранит Менелай, и Елена уговаривает супруга более не участвовать в боях.⁷⁰ Гектор убивает Патрокла, вышедшего в бой в доспехах Ахиллеса. Мать Ахиллеса Фетида обращается к Вулкану, и тот со своими тремястами «малыми дьяволами» изготавливает ее сыну новые доспехи. Жена Гектора видит сон, предвещающий гибель

⁶⁶ Напомню такую «куртуазную» сцену: во время совместной трапезы с Менелаем и Еленой Парис пишет «червленым вином на белом убресе»: «Елено царице, люби мя, да ты любя», пользуясь тем, что Менелай был неграмотен («...не познаваше ни слова»).

⁶⁷ Согласно мифу, по желанию Фетиды Ахиллес воспитывался вместе с дочерьми царя Ликомеда и носил девичью одежду. Одиссей смог его узнать благодаря хитрости: он привез дары царевнам, в том числе боевого коня, награжденного воинскими доспехами, — этому-то подарку и отдал предпочтение Ахиллес.

⁶⁸ Согласно мифологической традиции, была убита лань Артемиды, здесь же называется «пророчица именем Фелеша».

⁶⁹ Аякс был сыном Теламона от Гесионы, приходившейся Гектору теткой.

⁷⁰ Елена говорит Парису, что Менелай — храбрый воин, а он, Парис, «подобрь игрецъ играти и веселити ся съ госпождами».

мужа, она и сестры уговаривают героя не сражаться с Ахиллесом; однако Гектор все же выходит на поле битвы и гибнет. Приам отправляется в стан греков и выпрашивает у Ахиллеса тело сына. Во время переговоров Ахиллеса и Приама в храме брат Гектора Гелен убивает Ахиллеса ядовитой стрелой. Одиссей просит греков отдать ему оружие Ахиллеса, это оспаривает Аякс. Когда греки склоняются на сторону Одиссея, раздосадованный Аякс кончает самоубийством.

Гекуба отправляет младшего сына своего Полидора к царю Полиместру. Одиссей советует грекам соорудить коня из меди и стекла, в чрево которого спрячутся 300 воинов. Благодаря этой хитрости Троя взята. Париса и Елену приводят к Менелая, и он приказывает отрубить им головы. Дочь Приама Поликсену убивают на могиле Ахиллеса. Гекубу уводит с собой Одиссей, по пути они оказываются в царстве Полиместра, который, узнав о падении Трои, умертвил Полидора. Гекуба находит на берегу труп сына и вместе с другими троянками убивает Полиместра, а его соплеменники забивают женщин насмерть камнями. Менелай со всеми греками возвращается в Элладу.

Я пересказал содержание всех трех версий сказаний о Троянской войне с тем, чтобы обратить внимание на следующие три обстоятельства.

Во-первых, следует отвести иногда возникающие предположения о зависимости одной из рассмотренных версий от другой: каждая из них имеет самостоятельные мотивы, и речь может идти только об общем их источнике (в конечном счете — версии Диктиса).

Во-вторых, крайне важно, что описание собственно «исторических» событий, самой Троянской войны занимает во всех этих произведениях весьма скромное место: на первый план выступают иные — морально-психологические, романтические и приключенческие — коллизии. Это и известный фольклорный мотив о родителях, пытающихся избавиться от ребенка, с которым связано недоброе предзнаменование (судьба Париса), и мотив оклеветанного героя (история Паламеда), и победа мудрости или хитрости (разоблачение мнимого безумия Одиссея, «узнавание» Одиссеем Ахиллеса, хитрость с Троянским конем), и как бы «мелодраматические» коллизии (попытка Андромахи удержать Гектора от боя с Ахиллесом, гибель Гекубы), и «куртуазные» — как например «роман» Париса и Елены в изложении «Притчи о кралех», и обильные приключениями странствия (путешествие Одиссея). Таким образом, древнерусский книжник мог узнать о легендах троянского цикла в значительно большем временном и событийном объеме, чем об этом повествовалось у Гомера.

В-третьих, обратим внимание, как соотносены легенды троянского цикла с мифологией, не в том общем смысле, что все без исключения герои эпоса в какой-то мере являются мифическими героями, а в том, как этот мир «героев» соотносится с миром «богов».

У Малалы боги упоминаются лишь в связи с культовыми церемониями: Парис отправляется с дарами в храм Аполлона, греки должны принести жертву богине Артемиде, палладий охраняет Трою и т.д. Прямого участия в событиях боги не принимают, о божественном происхождении героев, например Елены, также не упоминается. В основном рассказе Хроники Манассии о богах вообще не идет речи. В «Притче о кралех» присутствие олимпийских богов наиболее ощутимо, но все они — Нептун, Юпитер, Феб, Вулкан, Юнона, Венера и т.д. — низведены в ранг «дьяволов» или «пророков» и «пророчиц», что, впрочем, не мешает им обладать чудесной силой: под музыку Феба сами воздвигаются стены Трои, богиня Фалеша «обладает» морскими волнами и ветрами, а «госпожа» Венера спасает раненого в бою Париса, «сотворив велику мглу».

Так или иначе, но именно легенды троянского цикла в наибольшей степени ввели русских книжников в чудесный мир античных мифов, познакомили их с весьма широким кругом сюжетов, которыми «обросли» со временем гомеровские поэмы. Это знакомство стало еще более основательным, когда был переведен обширный латинский роман «История разрушения Трои» мессинца Гвидо де Колумна, которого отождествляют с придворным поэтом Фридриха II Гогенштауфена — императора Священной Римской империи и Сицилийского короля.⁷¹ Гвидо написал свой роман в конце XIII в., сюжет романа в значительной степени восходит к сюжету поэмы о Троянской войне французского поэта XII в. Бенуа де Сент-Мора.⁷² И Сент-Мор, и Гвидо де Колумна основываются в большей степени на версии Дарета, а не Диктиса, как Малала или автор «Притчи о кралех».

Если вкратце перечислить основные отличия фабулы романа Гвидо от фабул рассмотренных выше произведений, то можно указать на следующее.

У Гвидо рассказывается о походе аргонавтов за золотым руном, о том, как помогла Язону влюбившаяся в него дочь царя Оетеса (Ээта) Медея, о разрушении Трои (в которой в то время царствовал отец Приама Лаомедонт) Геркулесом, Теламоном и их сподвижниками. Затем описывается Троя, восстановленная Приамом, повествуется о посольстве троянского вельможи Антенора к греческим царям с просьбой вернуть захваченную в плен Теламоном сестру Приама Гесиону. Рассказывается о совете Приама с сыновьями перед тем, как отправить в Грецию Париса (при этом «суд Париса» оказывается не более чем вешим сном троянского царевича). В романе даются подробные характеристики греческим и троянским героям и героиням, присутствует и традиционный «каталог кораблей». В отличие от Хроники Малалы или «Притчи о кралех» у Гвидо очень много места уделено собственно батальным сценам — описаниям массовых сражений и поединков греческих и троянских витязей. Среди сыновей Приама наряду с Гектором выделяется Троил, не уступающий брату в рыцарской доблести, но несчастный в любви: его возлюбленная Брисеида, едва попав в лагерь греков, изменяет ему с царем Диомедом. Очень подробно описываются у Гвидо интриги троянских изменников — Энея и Антенора. Рассказывается не только о путешествии Одиссея, но и о дальнейшей судьбе героя, вплоть до его смерти, а также о судьбах других участников Троянской войны.

Как же распорядились русские книжники с произведениями о Троянской войне? Версия Малалы стала известна, видимо, еще в XI в.,⁷³ рассказ Хроники Манассии и «Притча о кралех» — в XV в., перевод романа Гвидо — на рубеже XV—XVI вв. Но ни рассказ Малалы или Манассии, ни «Притча» не были широко распространены в русской письменности; их заменила «Повесть о создании и поплении Тройском. . .», составленная, видимо, создателем Русского хронографа из фрагментов основного текста Хроники Манассии и «Притчи». «Повесть» получила большую популярность: она не только читалась в составе Хронографа 1512 г. и восходящих к нему Хронографа западнорусской редакции и Простран-

⁷¹ См.: И. М. Голенищев-Кутузов. Средневековая латинская литература Италии, с. 233. Латинский текст романа критически издан: Guido de Columnis. Historia destructionis Troiae. Ed. N. E. Griffin. Cambridge, Mass., 1966.

⁷² См.: А. Д. Михайлов. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976, с. 43—46.

⁷³ В комментарии к русскому переводу пятой книги Малалы сказано, что в Древней Руси славянский перевод Хроники появился в X в. (см.: Памятники византийской литературы IV—IX веков, с. 183). Это след гипотезы А. А. Шахматова о «древнеболгарской энциклопедии X века», еще в начале века опровергнутой В. М. Истриным.

ного хронографа, но и выписывалась как самостоятельная статья в отдельные сборники. Нет необходимости пересказывать содержание «Повести», включившей в себя все основные сюжетные мотивы своих источников, — она недавно переиздана и исследована.⁷⁴ Напомню лишь один загадочный факт, имеющий непосредственное отношение к теме нашей статьи: в рассказе о том, как Гекуба отговаривала Гектора от боя с Ахиллесом, есть эпизод, отсутствующий в источниках «Повести», но имеющий параллель, как заметил М. Н. Ботвинник, в XXII песне «Илиады».⁷⁵ Не значит ли это, что автор «Повести» мог быть знаком с поэмой Гомера или каким-либо ее пересказом?

Что же касается романа Гвидо де Колумна, то он сразу же приобрел большую популярность: сохранилось четыре списка его полного перевода (три из них — XVI в.) и несколько сокращенных переработок; в XVII в. широкое распространение получила Краткая редакция Троянской истории;⁷⁶ в начале XVIII в. переделка романа Гвидо была издана.⁷⁷ Об авторитетности романа Гвидо в XVI в. позволяет судить тот факт, что полный текст перевода вошел в состав такого памятника официальной историографии, как Лицевой свод; тем более примечательно, что рядом был переписан и полный текст «Повести о создании и поплении Троиском. . .». Это несомненные свидетельства большого интереса русских книжников к повествованиям о Троянской войне. С переводом романа Гвидо был знаком Иван Грозный: в первом послании Курбскому он сравнивает своего адресата с Антенором и Энеем;⁷⁸ об измене этих троянских вельмож говорилось подробно только в романе Гвидо де Колумна.

Такова в общих чертах история троянских сказаний в древнерусской литературе.

Завершая анализ источников XI—XVI вв., следовало бы коснуться еще одного, а именно слова Григория Богослова «На святые светы явлений господних», содержащего реминисценции античных мифов и прокомментированного, по просьбе русских книжников, Максимом Греком. Но и само слово, и комментарий Максима Грека недавно всесторонне исследованы Д. М. Буланиным.⁷⁹

Итак, многие античные мифы в той или иной степени были известны древнерусским книжникам. Самих же «еллинских» богов воспринимали, вероятно, так, как трактовали, их, например, повести о Троянской войне: как обожествленных людей древности, которым поклонялись язычники; но эти боги едва ли вызывали ту откровенную неприязнь, к которой призывали своих читателей Георгий Амартол или Григорий Богослов. Средневековье любило диковинное, загадочное, экзотическое. Античные мифы удовлетворяли эти запросы древнерусских книжников.

⁷⁴ См.: Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков. Л., 1972. (Литературные памятники).

⁷⁵ Там же, с. 204.

⁷⁶ См.: там же, с. 166—184. Там же (с. 14—69) издан текст Краткой редакции.

⁷⁷ См.: О. В. Т в о р о г о в. Древнерусский перевод «Троянской истории» Гвидо де Колумна и издание 1709 г.—ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971.

⁷⁸ Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951 (Литературные памятники), с. 43.

⁷⁹ Д. М. Б у л а н и н. Комментарии Максима Грека к словам Григория Богослова.—ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977, с. 275—289.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I

ИЗ ВВОДНОЙ ЧАСТИ ЕЛЛИНСКИХ ЛЕТОПИСЦЕВ

Фрагменты публикуются по списку Еллинского летописца первой редакции, рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1437, XVI в. Текст воспроизводится с упрощением орфографии. Исправления сделаны по списку той же редакции — рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 280, обозначенному в примечаниях литерой С.

От гронографѣ о гигантѣхъ о змиенозѣхъ. Бѣ же от Адама, донелѣже видоша сынови божии къ дочеремъ чело-вѣчьскимъ, лѣтъ 2000 и 100 и 2 лѣта. В та убо лѣта краду огнену¹ пусти богъ съ небеси на гиганты, живуцаа в Келтикистѣи земли, и пожже я; въ Иорданскую рѣку, шедши, угасе крада; сего же огня мнятъ еллини сына солнечна суца, егоже свѣтящесе, рѣша, упадша от колесница на землю. Сию же повѣсть списа Вудии въ сотворении своемъ²; правое же рече о сих Херонискии Плутархъ, яко рече краду огнену съшедшу на Кельтикииискую землю. Оставшии же от них гиганте, видѣвше толико от них огнемъ пожжены, и не покаяшася. И рече богъ, разгнѣвався на ня: «Не имамъ дати живота челоувѣкомъ симъ, елма плоть суть, плотьская мыслять», якоже Моисеискихъ³ пишеть книгах. Мудрый Писандръ, творецъ еллинескъ, по лѣтѣхъ бывъ Моисеовѣхъ⁴, о тѣхъ же гигантѣхъ въ творении своемъ сказа: «Человѣкы от земля рождены, имуща ноги змиеви, дрѣзнувша на нѣкыя божескыя силы, рекъ, сия различными козными потреблены от бога». Мудрыи же Тимофеи ту же повѣсть тлъкуеть сиче, яко «сего дѣля творецъ нарече я челоувѣкы на змейныхъ ногахъ, елма же звѣринъ умъ имуть, || ничтоже блага небеснаго на умѣ имуще⁵, нъ имуще носѣ^{л. 3 об.} ходяще на земная злая дѣля неправедная; того дѣля божество звѣзднымъ простираниемъ и мѣсячнымъ и слънечнымъ, овѣмъ от тресновения огнемъ повелѣ погинути, а другимъ каменемъ стати, инѣмъ же скорѣишими смертными стрѣлами устреленомъ быти, яко луцию, а другимъ множества вод потоцленомъ быти. Тако вси гиганте нарицаемии змиинозѣ злѣ потреблени скончаша свои животъ». Сервеи же мудрыи повѣдаеть сия: «На широцѣ полѣ живша⁶, имѣвша рать съ нѣкыи, жившими на высокихъ горахъ, и възлѣзоша на горняя, акы змиевѣ, на рукахъ и чревѣсы ползающе, и избииени быша от живущихъ на горах». . .

О Кронѣ⁷. Роди же ся от пръвого сына Ноева челоувѣкъ гигантска рода, именовъ Кронъ, нареченъ бывъ от Дамия, отца своего⁸, въ имя преходныя звѣзды, бе же силенъ зѣло. Тъ прежде показа царствовати, рекше владѣти челоувѣкы, и царствова прѣвие въ Сирии много лѣтъ, и повину всю землю въ Пръсидѣ от Асирия начен, бе же страшень всѣмъ, яко лють ратникъ. Глаголють же, яко влѣхвовавшу Крону, кто приметъ его царство, и дано бысть ему проречение⁹, яко сынъ его приметъ, да темъ разгнѣвався Кронъ, пожираяше вся дѣти, яже раждааше ему жена его Ариа⁴. Егда же время ей бѣ родити нарицаемаго Пика Зевеса, еже есть Дии, събра кюриты, нѣкыя бѣсы гласяща и поюща и въ оружие звоняща⁵, да облазнится Кронъ, не слышавъ плача отрочяте¹⁰ и умедлить. Отрочя же дано бысть³ въ Критѣ¹¹ въскрѣмити, а в него мѣсто камень повивше положиша, да усмотривъ от облакъ Кронъ, съшед, пожре камень, мня отрочя, да ту абие избле|| ва¹² и прѣжняя пожрѣтыа.

Имѣ же иного сына и Кронъ, именовъ Нина, и дщерь, именовъ Иру⁶. Кронъ же остави сына своего Пика Зевеса, тѣи есть Дии, остави въ Асурии и жену свою Семирамъ, той есть Арѣя⁷, и поимъ мужа храбры, многу силу народа, и иде на западныя страны, яже бяху без царя, не дрѣжимы ныкы-

мже, и прѣя западныя страны бошию и пребы многа лѣта, дръжа и царст-
вуа западнымъ всѣмъ. И поять Кронъ тамо жену именемъ Филуру и роди
от нея сынъ именемъ Афронъ⁸ и дасть ему Ливьску землю, поя же от Лакари-
искаго острова жену именемъ Аострономъ и роди дщерь именемъ Аффо-
дита⁹, во имя переходныя звѣзды, мудра бывши, яже посяже за мудраго
Адонида афинѣана, сына Кинирова¹⁰, и жиста оба вкупѣ мудрующа и
до смерти. Имѣ же Кронъ от тоя же Фулуры сына, нарицаемаго Хирона
философа и того.

О Пике Дии, како отца своего Крона в тимѣнии
утопивъ, самъ царствова. Царствова же Пикъ въ Асурии
лѣтъ 30, тако^а оставя матеръ свою Арию и сестру свою и жену, постави сына
своего Велона царемъ въ Асирии¹¹ и отиде ко своему отцу Крону на западъ.
Кронъ же, видѣвъ сына своего Пиду, пришедшу к нему на запад, преда
ему царство западнее, бѣше бо старъ и ослабѣлъ. Инии же глаголють, яко
Пикъ отца своего имѣ, истеса его отрѣзавъ, вверже в море, самого же ||
в тимѣнии погрузи и нуждею от(ъ)имѣ царство его¹². Царствова же Пикъ
Зѣузъ инѣхъ лѣтъ 60 и 2. Живе же Пикъ Дии лѣтъ 100 и 20, и имѣ сыны
и дщери многы, любодѣи бѣ, таибникъ и влѣжбы творя и пресажаа жены.
Се же и Семель, дщерь Кадыма царя, златомъ уснуби, и любяше паче
инѣхъ. К ней же иноцѣ ея глаголаху: «Проси у Зевѣса, да придетъ истъ
съ громомъ многымъ и млънию^{а.13}». Си же Семель не вѣдуци лъсти их,
а бѣше имущи въ чревѣ, выпросивши у Зевеса, и прииде къ ней и зажже
ю. Отрочища же изъ ютробы ея истрѣгъ недоношено^а, имущъ седмъ
мѣсяць. И въ своемъ стѣгнии сего доносивъ, Денисиемъ сего именована.
Съи же Дионисии началникъ же бѣ пианьству.

Фивѣи бо глаголють, яко Дии къ Алькоминѣ, женѣ Фитриокъ, при-
мѣсився, роди от нея сынъ, именемъ Ираклъ¹⁴, егоже Иракла нарицають
Тримрачна. Тѣи показа пръвое в вечернихъ чястехъ мудрость. Сего бо живу-
щии от племени его прозваша звѣзду на небеси по имени — се суть бози
были бозбожныхъ еллинъ, яже от нихъ еллинъстии баснословци бають,
а не суть бози, нѣ челоуѣци влѣхвоуе — звѣровиднаго Иракла, егоже
глаголють въ лѣвѣи язвени ходяща, и палицу имуща, и три яблока дрѣ-
жаща, яже три яблока ему оттомьщу в куцуну глаголють палицею убивша
змия, рекшу, одолѣвшу тремъ чястемъ злымъ похотемъ || ума мудро-
стию, акы палицею; ходяща в котызѣ, яко въ лѣвѣи язвенѣ, въ твердѣ умѣ.
И тако от(ъ)емша три яблока, еже суть трие доблии нравы: еже не быти
гнѣвливу, ни златолюбьцю, ни блуднику, палицею бо трѣпѣливия душа
и язвеномъ буюю мысль уму побѣди, земную^а скверную похоть, нудяся
мудроствовати и до смерти, якоже Диодоръ мудрыи списа.

О Пръсѣи о главъ Горгонѣ. Потом же Пикъ Зевесъ
прижи по Ермии Ираклъ сына Персѣя от жены красны, именемъ Даная,
дщери Акрасиевы¹⁵. Роди от нея сынъ именемъ Персѣя, егоже пишутъ
крилата, зане измлада бѣяше отрочя быстро¹⁶. Сего ради Пикъ Зевесъ,
отецъ его, научи его творити прокудѣ стыткаго крофоса¹⁷, всему, еже
самъ вѣдѣше^а таибнымъ злымъ прелестемъ, глаголавъ ему яко «Побѣдиши
с нимъ вся рати, иже бо възрять на лице Горгониино, будутъ яко мертви,
тобою рассечени». И умре Дии, глаголють же Афиу, родившуся от
главы Дыевы расѣченъ¹⁸.

Пръсѣи же по смерти отца своего помысли на Асурийское царство,
ревнуа Нина, стры своего. И приснися ему, и иде на страну Ливьску,
на пути срѣте и обуена въ страшны власы глядящи. И ставъ, выпроси
глаголя: «Како ти имя?». Она же рече: «Мидуса». И емъ ю за власы и
серпнымъ мечемъ отаи усекнувъ^а главу ея^а. Главу же нарече Горго,
быстрыя ради помощи и съдѣанія || на супостаты. Примучи же страны,
никому же противящуся. И мимошедшу времени прииде на нь царъ от

Ефиопиа Кифеос¹⁹. Пръси главу Горгониину ему показа. Кифѣи же очима не видяше и идяше на нь. Пръси же мяше главу Горгониину уже не мощну дѣствовати, обрати главу к себѣ и, позрѣвъ, бысть слѣтъ и убиенъ бысть. . .

О Ереми и о святѣ Троуцѣ²⁰. По умртвии же Дыеви, || царствова въ Италии сынъ его Еремии лѣтъ 30 и 5; бе же мужъ хитръ и уму ученъ, иже избрете руду златую пръвие и ковати злато. Разуме, яко завидяте ему братя его, иже сут(ь) от многихъ женъ, яже имѣ Пикъ, отецъ его, а Еремии бѣ ему от пръвья жены²⁰. Еремии же, разумѣвъ на нь яряшуся братью, отиде, вземъ злата много, и иде въ Египетъ к колѣну Хамову, и прияша и съ честию, и живяше ту в велицей чести, ризу нося злату, влѣхвоваше, повѣдаше имъ хотящая быти; бе же и хитръ бесѣдамъ, мужъ дивенъ и мудръ и Тревеликъ нарицаемъ египтяны, иже сказа три велики силы суца²¹. . .

О Ангенорѣ и Велесе²². Дъщи же Дыева, иже от дщери Наховы, царя Прѣсѣченска, посяже за Посидона, и роди²⁴ Ангенора и Велоса²², та же приаста Суриу. Велонъ же поя жену Сиду, Ангеню же, шедъ в Вифинию²³, поя жену именемъ Туръ, и сътвори градъ и нарече Туръ. И роди от Туры Кадома, Финика, Сура²⁴ и Килика²⁴ и дщерь Европию²⁴. Царствова же Ангеню по странамъ тѣмъ лѣтъ²⁵ 60 и 3. Ангенору же суцу в Милитѣ, пришедъ же внезапно Тауръ, царь грѣческый новою ратию бився, прия град и плѣни дщери²⁶ Ангенора царя вечеръ, емуже вечеру память творять, рекуще: «Золь вечеръ». Тауръ поя жену Европъ, добру суцу, и роди от нея сына Мина²⁵. Умирая, Ангеноръ раздѣли землю, юже привоева, на три части: и взя Финикъ Тура и область его, землю Финичскую, а Суръ шедъ в чясть свою, юже нарече Суриа, а Киликъ свою землю нарече Киликия²⁶. . .

О Фестѣ. По Еремии же царствова въ Египтѣ Фестъ днии 6000 и 600 и 80, яко быти лѣтъ 4 и пол лѣта и днии 40 и 8²⁶. Не вѣдяху бо чести лѣтъ, ни мѣсяць, но послѣди уразумѣша, егда начаша дань даяти царемъ римскимъ. Сего же Фесту конь охромил на брани, бѣ же влѣхвъ храбръ. Тѣи Фестъ законъ устави женамъ за единъ мужъ посягати и ходити говѣюще, а прелюбодѣицу казнити. Сему таинную молитву творящу, спадша клѣща с небесѣ ковати желѣзо и оружие²⁷, яко тѣи кузньюю мудрость показа, прежде бо камениемъ бяхуся.

¹⁹ Ошибочно надписан слог ки. ²⁰ Слог се надписан. ²¹ Слог му надписан. ²² Испр. согласно греческому тексту; в ркп. положивша. ²³ Испр. по С.; в ркп. Кромѣ. ²⁴ Слог че надписан. ²⁵ В ркп. плачате, слог те зачеркнут, на поле отточате. ²⁶ Доб. по С. ²⁷ Буква а дописана позднее. ²⁸ Слово надписано над строкой. ²⁹ Буква в надписана. ³⁰ Испр.; в ркп. недношено. ³¹ Буква ю дописана позднее. ³² Буква дописана позднее. ³³ Испр. по С.; в ркп. Пискъ. ³⁴ Испр. по С.; в ркп. видяше. ³⁵ Дописано позднее на поле. ³⁶ Испр. по С.; в ркп. Троцѣ. ³⁷ В ркп. заголовок стоит не на месте, разрезая текст предшествующей статьи. ³⁸ Доб. на основании Архивского хронографа и Прибавления к палею. ³⁹ Испр. по С.; в ркп. Киликияска. ⁴⁰ Испр.; в ркп. Овропию. ⁴¹ Доб. по С. ⁴² Испр. по С.; в ркп. дщери. ⁴³ Испр.; С Киликия; в ркп. Килия. ⁴⁴ Испр.; в ркп. оружию.

¹ Т. е. «огненный шар». ² Имеется в виду миф о Фаэтоне, сыне Гелиоса, вошедший во II книгу «Метаморфоз» Овидия. ³ Дамий может быть отождествлен с Ураном. ⁴ Рея, жена Крона. ⁵ Куреты — спутники Реи. ⁶ Геру. ⁷ Семирамиду некоторые греческие авторы считали женой ассирийского царя Нина; здесь она отождествлена с Реей. ⁸ От Филуры Крон имел сына — кентавра Хирона; имя Афрон (‘‘Афрос) неясно. ⁹ По некоторым мифам Афродита считалась дочерью Зевса от Дионы. ¹⁰ Адонис, сын царя Кинира, возлюбленный Афродиты. ¹¹ Бел (Велон), верховный бог ассирио-вавилонян (в греческой историографии). ¹² Согласно Гесиоду, так расправился со своим отцом Ураном Крон (а не Зевс); «тимение» — пучина. ¹³ Согласно Гигину, этот совет Семеле дала Гера, явившись к ней в образе кормилицы. ¹⁴ Геракл — сын Зевса и Алкмены, жены Амфитриона, фиванского царя. ¹⁵ Даная — дочь аргосского царя Акрисия. ¹⁶ Персей полу-

чил от дочерей Форка крылатые сандалии. ¹⁷ Научил гадать на волшебной чаше (?) ¹⁸ По просьбе Зевса Прометей (по другой версии — Гефест) ударил его топором по голове, и оттуда вышла Афина в полном вооружении. ¹⁹ Эфиопский царь Кефей, отец Андромеды; в мифах о Персее не говорится о войне его с Кефеем и о гибели от взгляда на Горгону. ²⁰ Гермес был сыном Зевса и Майи, дочери Атланта. ²¹ Языческий бог Гермес отождествляется здесь с мифическим теософом Гермесом Трисмегистом. ²² Речь идет о Ливии, дочери Эпафа, родившей от Посейдона близнецов Агенора и Бела. ²³ Следует: в Финикию. ²⁴ Согласно мифам, у Агенора от Телефассы были три сына: Кадм, Фойник и Килик, и дочь Европа. ²⁵ Минос считался сыном Европы от Зевса; муж Европы носил имя Астерий. ²⁶ О правлении в Египте Гефеста в греческих мифах не говорилось.

II

ИЗ ВИЛЕНСКОГО ХРОНОГРАФА

Публикуется два фрагмента по рукописи БАН Литовской ССР, № 109/147. Первый из них не имеет соответствия в известном нам греческом тексте Хроники Малалы и скорее всего восходит к иному источнику (см. выше, с. 12); второй — рассказ о Тезее и Миносе — соответствует тексту IV книги Хроники Малалы, с. 85, 18—88, 10 (по изданию Диндорфа).

A

Платонъ бо высокыи философъ въ еллинѣхъ, и Ксенофонтъ, и Есхинось, и Аристотель сии, иже прѣлестъ въдушевлениа^а въведоша въ человекы, сирѣчь въ ино тѣло прѣменитися дѣвицам. Дщерь бо Лукнееву, именованъ Калистию, глаголетъ ю въдушившюся въ медведицу ¹, а Ипоменивову дщерь Малагрову въ лва ², а Ио, дщерь Инахову, в телицу ³, а Талантию, ^{25 об.} дщерь Есхинову, въ курь|| морскыи ⁴, а Филомину, дщерь Есхинову, въ соловеи и сестру ея Проклу в ластовицу ⁵, а Иовию, дщерь Аталантову, въ камыкъ преобразившюся ⁶. Таковая кощунствоваша солнцю же, и лунѣ, и звѣздамъ, и огню же, и водѣ, и всѣи твари поднебеснѣи, и жртву приношаху всуе лъстящеса, якоже Фара истуканнаа капища творяше, а Авелеви убо убития ради прѣвыи кумирь создал и убожил его, вторыи же кумирь Сифовъ створил и убожилъ его.

Сифъ бо, сынъ Адамовъ, изобрѣт звѣздаа течениа и грамоту еврейскую, историею списаль. Сынѣ же его изобрѣтоша, яже от Сифа исписаная на дщи мѣденѣ^б мужи бывше мудрии, проразумѣвше хотящую быти пагубу [ч]еловѣком^в и прѣменение, сътвориша столпа два: единъ каменень и единъ плитянь, написаша на нею, яже от Сифа дѣда ихъ сказаниа вся небесная, помысливше сие: аще земныи родъ погибнетъ человекъ водою, то каменныи стлѣпъ пребудеть, и яже на немъ написаннаа суть, аще ли огнемъ, то плитяныи прѣбудеть, тотъ паче огня прѣтърпите и яже на немъ написанаа сутъ память будетъ человекѣмъ уцѣлевшимъ на земли. Стлѣпъ же каменныи осталъ въ Сиридской горѣ по потопѣ, дажде и доселѣ стоитъ, якоже Иосифъ сказаетъ; сего ради богомъ прозванъ бысть Сифъ. Сего ради глаголють: сынове божии пояша дщери человекъскыи — сынове бо Сифови пояша дщери Каиновы и родиша имъ сыны и быша гиганты на земли отъ вѣка человекъци нарочити.

С л о в о 17.

^{26 об.} Въ та же лѣта краду огненную пустилъ богъ с небеси на гиганты, живущая на земли въ Келтиистѣи стра||нѣ^в и пождѣже я. Пришедши же крада въ Иорданскую рѣку и вгасе ⁷. Сии же по потопѣ Хусъ муринъ роди Неврода гиганта, иже сътворилъ Вавилонъ, егоже глаголють прѣси бога бывшии и суща въ звѣздахъ небесныхъ, егоже наричють кружилиа ⁸. Тотъ прѣжде наставлялъ ловити звѣрь и даяше всѣмъ зверину ясти, старѣишии прѣсомъ царь ихъ.

Вѣщаша древнии, яко Кронъ вѣста на отца своего, глаголемаго Дамиа ⁹, и, отрѣзавъ уды его таинныя, вѣврѣже их^д в море. Приплувше же

тайных удовъ отрезание к берегу, Афродита⁶ видѣвши и взят их, да овогда творяше мужская, а другды страдаша женская. Тако убо та студнѣ и породнѣ чтется богыни паки блудных ради смѣшении скверных тайн¹⁰. Ты же Кронъ нареченъ бысть от Дамиа, отца своего, въ имя прѣходящая звѣзды. Бѣ же страшнѣ всѣм, яко лють ратникъ, сѣкийся.

Бают бо баснословци елиньстии, яко отвѣтъ приемъ отецъ Диевъ, яко остатися ему званиа царьскаго от единаго от дѣтии его, елико ражаше ему мужескъ полъ жена его Ира, а онъ их пожираше. Родивши же Дыя и милующи красоты его ради, украдши, въ Критъ ѿотслала. Си же бляди глаголи их, боги я нарицаху¹¹.

Оставивъ же Пикъ сына своего въ Асурии именем Велона и отидѣ къ своему отцю Крону на западъ. Велонъ же, царствовавъ 2 лѣтъ, умереть. Его же прѣси бога дрѣжать. Пикъ же поя сестру свою Иру. Елинетии же философи злѣ негодующе Иру мать всѣх боговъ нарицаху. Дрѣжал, царствуя^ж западными всѣми землями⁹, имѣ сыны и дщери многы от многих добрых женъ, любодѣявъ с ними, бѣ бо таибник, вльшебы нѣкиа творя, пресакая^н, жены же сии бога имѣаху его^н ведомы им лестию, || якоже кажуща им виды нѣкиа и проказы. Фауна бо сынъ его златым богом нарицаху, и обрѣтша им руду златую, дающа имъ злато много. Ираклия же сына его въбожившася, инѣх же вяще седмьдесят, боги ѿ нарицаху. Тако же сиа бяху о нем же глаголють, ни Дионусии стегнорожанию несношенни породил¹², иногда же глаголаху глава Диева, от того родитися Афинѣ¹³. Сего же глаголють мужъ и жена бѣ, овогда стража женская, овогда творя мужская, яже пианьству лики творяше. И сего ради въбожиша ѿ и вином упояше их. И инѣх богъ безчисльных, ижжже елинская прѣлестъ въбожиша человеком.

л. 27

О Пелепонидѣ и Кропиде ке Улькемеоньсе, Елпиде же Ираклиде, прииде изреку изьображение слову сему¹⁴. Пелопсъ, сынъ бѣ Антоиловъ и Таловъ, фругийскаго царя¹⁵, а Антаталъ брань приемъ съ Иломъ, създавшимъ солнечныи град¹⁶, бояся побѣженна, възврати сына своего въ Пелепиду пояти пешца съ имѣнием, рекъ: «Аще убо побѣжю, възвратися въ Фругию, аще ли побѣдят мя — прѣбуди въ Европии». Поемъ же Полопсъ въ Иладу, въ незаконную страну, тако зовему, в неиже царь Именеосъ имѣ дщерь Ипподамию, егоже с конникъ побѣдивъ Пелопсъ и вземъ страну, в Япия мѣсто имѣнова Пелепонисъ¹⁷. Сеи убо о Поленидех¹⁸.

Кекропсъ же царь бѣ афинѣом, иже и велми украси Атическую страну, зваша же ся двогласен, аки двѣ странѣ прѣмог — Еладу и Еюпетъ¹⁹. Глаголетъ бо, яко афинѣи бѣша от Егупта, Егупетъ же от Саевса града²⁰. Властитель же афинѣом тот Кекропсъ бысть, имыи егупетскийи глас, навые же елинскы. Оттуда убо || сводими кекропидѣ именуется. Еасъ же и тот сынъ быти Диосу глаголется въ правду славенъ²¹. Нѣкогда бо бездождию бывшю въ Еладѣ, приидоша к нему старѣшенины града молити своего отца, дабы дождь былъ. Еаксъ^а же ставъ и тако помолися отцю своему, от бѣсовскаго дѣиства бывъ дождь. Онѣмъ же мнѣвшим, яко от отца ему бывшю, богом и нарицаху, вода многа напои Еладу. Оттуда убо честь Еаксу явися. Тотъ же ражает два сына: Пилея и Теламона. Пилеи ражает Ахилея, а Теламонъ Еанта, иже зовутся Аньгде, честь от дѣда своего приемлюще.

л. 27 об.

Ираклии же и тотъ сынъ быти Диосу глаголется въ правду славенъ²². Зевесъ бо бысть съ Алькминою сътворився человеком и съвокупився, и роди Ираклия, иже многы побѣды сътворил Ираклии. Мнози же быша от Ираклѣя, прѣвое славныи Илосъ цесарь²³, от негоже лакедемонствѣ

цареве все по ряду елинескъ не явнымъ прибуѣгаютъ, басни хваляще своя дѣды ²⁴.

^a Буквы влѣ написаны. ^b Слово дописано другимъ почеркомъ. ^c В ркп. буква ч отсутствуетъ. ^d В ркп. слогъ стра при переносѣ на следующую строку повторенъ. ^e Слово надписано. ^f Буквы ди и а надписаны. ^{g-h} В ркп. западнымъ всѣмъ и надписано землями. ⁱ Испр.; в ркп. пресажаяя. ^k Слово надписано. ^l Буквы съ надписаны.

¹ Каллисто, дочь Ликаона, возлюбленная Зевса, была превращена в медведицу. ² Текст неясен; во львовъ были обращены Аталанта и Меланисъ (в другой версии мифа — Гиппоменъ). ³ Ио, дочь Инаха, возлюбленная Зевса, была обращена в телку. ⁴ Текст неясен. ⁵ Прокна и Филомела были обращены в ласточку и соловья. ⁶ Возможно, говорится о Ниобее, дочери Тантала, обратившейся в камень. ⁷ Мифъ о борьбѣ с гигантами см. также выше, во фрагментахъ из Вводной части Еллинскихъ летописцевъ, с. 23. ⁸ Созвездие Орионъ. ⁹ Урана. ¹⁰ См. тот же мифъ во Вводной части, с. 24. ¹¹ См. тот же мифъ во Вводной части, с. 23. ¹² Мифъ о Семелѣ и Дионисѣ см. во Вводной части, с. 24. ¹³ О рожденіи Афины см. в прим. 18 к Вводной части, с. 26. ¹⁴ С. П. Шестаковъ (О значеніи славянскаго перевода. . . , с. 528) предположилъ, что источникомъ дальнѣйшаго текста является комментарий Нонна къ Григорию Богослову. В греческомъ текстѣ заголовокъ сообщаетъ, что далѣе пойдетъ рѣчь о Пелопсѣ и Пелопонидѣхъ, Кекропсѣ и Кекропидѣхъ, Алкменѣ и Алкмеонидѣхъ, Гераклѣ и Гераклидѣхъ. Какъ предположилъ С. П. Шестаковъ в пометѣ на полѣ своей статьи, слово «ке» это непереведенное греческое «κῆ». ¹⁵ Пелопс, сынъ фригійскаго царя Тантала. ¹⁶ Рѣчь идетъ, вероятно, о войнѣ Тантала с Иломъ, основателемъ Илиона, дедомъ Приама. ¹⁷ Пелопсъ одолѣлъ в состязаніи на колесницѣхъ Эномая и получилъ право жениться на его дочери Гипподамиѣ. ¹⁸ Т. е. о Пелопонидѣхъ. ¹⁹ Кекропсъ — мифическій первый царь Аттики, считался сыномъ Геи; мифъ о его власти также и надъ Египтомъ появился позднее. ²⁰ Саисъ — древняя столица Нижняго Египта. ²¹ Эакъ — сынъ Зевса и Эгины, отецъ Пелея и Теламона, почитался также какъ божество, дарующее дождь. ²² Рѣчь идетъ о Гераклѣ. ²³ Гиллъ — сынъ Геракла и Деяниры, потомки его овладѣли Пелопоннесомъ. ²⁴ Далѣе продолжается рассказъ о Гераклѣ, но текстъ очень неясенъ для пониманія.

Б

Мифъ о Миносѣ и Тезеѣ

Въ прѣдиреченныхъ же лѣтѣхъ царствова въ Критѣ Миносѣ, сынъ Европинъ, иже и море одрѣжаше, сѣкъся съ афинѣи и законъ положи, о немже рече Платонъ премудрыи, о памятехъ законныхъ поминая. В ѳя же лѣ||та бѣаста Дедалъ и Икаръ, словуща Пасифоя ради жены ради Миноя царя и с Тауромъ и нотаремъ ея, с нимже блудивши и роди сынъ, егоже прозваша Минотаура, преполовльшама любодѣянне блужения Дедалу и Икару ¹. Миносѣ же царь Пасифая затворивъ въ куквулии со двѣма рабичнома, повелѣть кормити ю и остави ю ту, к тому не видѣ ея. И она, опечалившись, якоже изриновена отъ царьска сана, въ язву въпадши, умре. Дедалъ же и Икаръ убиена быста. Икаръ бо ис темници избѣгъ и пловый потопленъ бысть, а Дедалъ усѣкновенъ бысть. Пасифая же ради списа Еуропадъ повѣсть.

В та же лѣта Ираклисъ тризникъ, великиа тризны сѣтворивши, шедъ в Ливиску страну, сидеся съ Антиемъ, творящому и тому земныа тризны ². И одолѣвъ ему Ираклисъ и уби ѳ. Иже Ираклисъ по одолѣнни разболѣвся, самъ ся въ огонь въврѣже и умре. О немъ же Дидимъ премудрыи списалъ. Въ Илиѣ же тогда царствоваша по Дарданѣ Лаомедонъ, сынъ его ³. . .

Въ вышереченныхъ же лѣтѣхъ умре Андрaгeосъ, сынъ Пасифаинъ и Миновъ, царя критска. Тако же и тѣи самъ Миносѣ умре и повелѣть, умирая, царствовати въ Критѣ Минотауру. И царствова Пасифаинъ сынъ и Тауровъ и нотаря ея. И укоръ помысливше бояре критстии, еже царствовати въ нихъ Минотауръ, яко таимичищу, сиречь выблядку, сѣвѣтъ сѣтвориха

на нь и въспустиша къ Фесею, акы къ храбру, къ сыну Егеиову, царя фусальска, и приити || с вои на нь, поручившеся прѣдати Минотаура^а л. 50 и всю страну их, и дати ему и сестру его Ареадию женѣ, дочь Пасифииню. И прииде на нь Фесеусъ въ Критъ внезапно, вси оставльше бояре и воины створишася бѣжаше въ градъ Горгунъ. И разумѣвъ Минотауръ прѣдание побѣже и тѣи въ Лавуриинскую страну, вшед на гору и вбѣже въ пещеру крытая. И гнавъ ѿ Фесеусъ, увѣдѣ от нѣкогого, идѣже бѣ скрылся, его же извѣдѣ, абие усекну ѿ, и въшедѣ въ градъ Горгунъ обличи побѣду. И прославленъ бысть от бояръ и от всея страны тоя. И просица у них, да идеть къ Егеату, отцю своему, да и к тому исповѣсть побѣду. Прѣже, даже не доплу ко отцю своему, шед нѣкто корабльничъ лживъ, повѣда Егеату царю, отцю Фесеову, рекыи: «Избѣжа из града Минотаура». Помысли, яко прѣльстили сут(ь) сына его критяне, списаша бо от них мудрии: «Критяне присно лживии», имуть бо правъ лжививъ. И звѣржесе самъ в море. И пришед же Фесеусъ, сынъ его, обрѣте умрѣша отца своего и привѣщанъ бывъ своими бояры, небреже царства Критска въ отца своего мѣсто во Фесалии. И приведе жену Илию, прироком Фелефию⁴, Арединии же, вълезши в тревникъ Дионуса, прѣбысть же ту жрицею дѣвою до смърти своеа.

^а *Испр.; в ркп.* Минотару.

¹ Миф о Тезее в изложении Малалы существенно отличается от традиционной версии: Минотавр из чудовища превращается в критского царя, наследника Миноса на престоле; отец Минотавра, также, вероятно, был понят как обыкновенный человек; Эней прибывает на Крит не в числе афинян, обреченных на съедение Минотавру, а по приглашению критских бояр; Ариадна не помогает Тезею, но брошенная им, становится не женой Диониса, а жрицей в храме этого бога, и т. д. ² Упоминается миф о борьбе Геракла с Антеем. ³ Дардан — дед, а Лаомедонт — отец троянского царя Приама. ⁴ Женами Тесея были Антиопа и Федра; кто имеется здесь в виду — неясно.

III

ИЗ «ТРОЯНСКОЙ ИСТОРИИ» ГВИДО ДЕ КЮЛУМНА

Фрагмент из древнейшей редакции перевода «Троянской истории» Гвидо де Колумна — рассказ Одиссея царю Идоменею о своих странствиях — публикуется по рукописи ГИМ, Музейское собр., № 358, середина XVI в. (первому тому Лицевого свода), л. 973 об.— 979 об. Орфография оригинала упрощена, вместо «ѣ» пишется буква «е».

Истинно есть, господи царю, да по взятии Трои, коего *взятія*^а аз часть неложно велиа бех, с корабли своими, многими богатствы обремененными от богатств троянских, во множестве злата и сребра и во опъщении многих моих раб пучине вдахся, и по многи дни пловущи ми спешно, в некое пристанище, иже Мирна¹ опще именуется, первое здрав пристах, идеже со своими за прохлаждение снидох. И ту без боязни чрез некие дни пребых, зане ту ништо ми пакость нанесе.

Посем от предреченного пристанища отъидох, и время ми ласкавше, поспешно в пристанище, иже именуется Калостофагес², здрав приидох, идеже паки с своими чрез некие пребых. И егда лестнии ветри на поспешное время научаху, от того пристанища отступих, паки по ряду здраво плых. Тогда внезапно буря ветреная возможе, и аер от ведрости скоро бысть темен, безвестным плаванием ныне семо, ныне овамо в лагубе^б зелныя бури озлобе. Последи буря она меня понуди в Сисилою³ обратитися зело неволею, идеже озлобления многия потерпех и труды болша. Бо в Сисилии два брата царя, иже един звашесе Стригон, а другии звашесе Сикаон. Се два царя нападоша на мя и на моих, видящи корабли

моя богатств толиких полных, пограбиша их сильно и все, еже обретоша в них, отнесоша во множестве своих оружных. И того горши, яже наидоша два сына их, воины зело храбри и зело бранни, ихже един звашеся Алифам, а други — Полифем ⁴. Сии нападоша на воины моя и сто убиша от них, меня изымаша и Алфенора, обещаика моего, и заключиша нас в некоем городке в темнице. Сеи Полифем име некую сестру, деву красну, юже виде Алфенор в похотения ея разжесе и увязе любовью ея, бысть зело безумен. По шесть же месяц поимана в Сисилии держа мя Полифем, но последи помилова мя и со мною Алфенора освободи. И последи он Полифем много яди учини и чести, но Алфенор в своени зельной любви толико трудися, да яко сестру Полифемову любляше, во время нощи у таибника отча изят и тое с собою приведе, еже егда прииде в слух его, сущим оскорбися зело. Сего ради той же Полифем паки на мя и моих тое же нощи вооружися в велице множестве воин. И бывшу устремлению на моих, и его сущии приобретоша Полифемову сестру, и последи Полифем на мя нападе, и егда от него настоящих себе защитити, едино око ему *изях*⁶. И со обещаики своими оставшими в корабли своя внидох и тое же нощи в них от Сисилии отидох. Потом прямым плаванием текох во Елиду остров, ветр мя принесе, аки не хотяща ⁵.

В сем же острове бяху две отроковицы сестры, зело красны, того острова госпожи, яже в черной хитрости и заклинания зело научены имяхуся. Елико же во остров сеи плавающих случаи принесет, и те две сестры не толико их красотою, елико волшебными их обавани толь прилежне пленяху, да никакая надежда бяше вшедшим от острова мощно отити, вся иная попечения оставя. Сих же едина, яже наипаче всеи хитрости бе учена, Сирсеи именем нарицашесе, а другая своим именем Калифа ⁶. В власть же сих двоих счастье мя приведе. Их же едина, сиречь Сирсес, моею паки любовию упися, своя смеша пит(ь)я и обавани своих козней, толь безумне мя прилаща, да яко год цел не бе мне воля от нея отити. В той же год Сирсес бысть непрадна и зачат от меня сына Телагона. И после родися от нея, возрасте и бысть мужь зело бранноносец. Аз же во умышлении своего отшествия попекохся, но Сирсес разгневался, своими волшебными хитростями веруя мя задержати. Но аз, иже в той хитрости зело такоже бе наказан, спротивными действы вся ея ухищрения разруших и отнюдь уничижих. И зане сиче хитрость поругается хитростью, спротивными слагани от хитростей Сирсины в толико превозмогоша сильнее хитрости моя, да яко со всеми путники моими, тогда со мною сущими, Сирсес зело озлоблен отидох.

Но что ми ползова оно отшествие! Да не вдавшу ми ся на море, ветр принесе в землю царицы Калифы, яже мя своими хитростями тако увязи и моих, до болшим временем, неже восхотех меня задержа у себя. Но то закоснение не бе мне зело докучно за красоту оной царицы, в ней же чюдно цветяше, и за хотение благоволивое, неже у нее обретох, яже угудити мне и моим зело прилежя. Последи прилежанием разума своего бысть, да от тое здрав отидох. Но в велице труда моего казни за нее хитрости мои едва отгнати возмогоша.

И понуди мя ветр пройти чрез некое место, бед многих исполнено. Доидох бо того на море, в немже сиренес суть, яже суть велия дивеса морская в пучине гулят ⁷. Суть от пупа вниз всяк образ рыбей имея, се же чюдны гласы чюдным шумом воздают в пенни в толь сладце воспевании песней, да небеснаго вознепщуеши превзыти в гласех музичных, да яко беднии плавающие, егда до них доидут, толикою сластию их пенния пленяются, да яко парусы кораблей их спускаются, весла отлагают, от плавания отнюдь воздержашесе. Тако бо пение упоет, да яко бедные, слышаще, всех иных попечении тягости совлекутся, и толико их сладость

удручит, да аки себе самых отнюд забыв и нести не хотят. Егда в их мысли некий сон наидет, имже отнюд уснут, ихже тогда сиренес спящих оцутит, корабли правления кормил оставленных, скоро опрометывают и топят, да яко плавающие в них спяще злым опровержением погружаются. В се бо сиренес впадох, да и спутники мои со мною сущими не обвиются подобным сна заблужением, своими хитростями мои и их слух тако заткох, да их пения аз и спутники мои не слышаще. Их отнюдь победихом и боле тысящи от них убихом, да яко здрав в них преидох, от бед их избавлени.

Потом пловуци, несчастный случаи меж сирти принеси и прапрудных мест и зане на 15 стадии поглощение их протяшася.⁸ Ту от того морьскаго поглощения боле половины кораблей многих пожрошася. Темже обещники мои пловущие в них от поглощения онаго морьскаго опровержением изгибоша. Аз же со другою половиною кораблей моих от того поглощения морьскаго изсторгься, в Финикии пловущии доидох, идеже обретох дивная языка мучителя, иже напад на меня и моих болшую часть мечем погуби, мало остави от них, и вся благая со мною сущая в кораблех взяша у меня. Человецы языка оного и меня изымаша и оставших со мною, в жестокие темницы заключиша. Потом свободиша мя и моих сущих заключенных, ничего ми отдаст от моих вещей. Сего ради в болшой нищете ведохся, обидох польдень, и последи в сию землю пристах, быв нищ и убог, якоже видиши. Се заповедах ти вси случаи свои: и отшед от Трой и в нищету како приидох.

⁴ Испр.; в ркп. вяня. ⁶ Испр.; в ркп. багубе. ⁸ Испр.; в ркп. язах.

¹ Согласно Гомеру, Одиссей прибыл в Исмер — приморский город во Фракии.
² По «Одиссее» — на землю лотофагов. ³ Сицилию. ⁴ Рассказ Гвидо о пребывании Одиссея у киклопов существенно отличен от рассказа Гомера. Царь Стригон и сын его Алифам это, возможно, переосмысленное имя Антифанта, царя листригонов (у Гомера).
⁵ Согласно Гомеру, Одиссей попадает на остров Эолию, в царство Эола, бога ветров. ⁶ Волшебница Цирцея обитала, по Гомеру, на острове Ээя, а к нимфе Калипсо, на остров Огигию, Одиссей попадает значительно позднее.
⁷ Пересказ мифа о сиренах. ⁸ Пересказ мифа о Спилле и Харибде.